

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Следственные действия в системе уголовно-процессуальной деятельности»

Обучающийся

М.Х. Батукаева

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

д-р юрид. наук, доцент, С.И. Вершинина

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2022

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Становление института следственных действий в России.....	5
1.1 Зарождение и становление института следственных действий в России	5
1.2 Понятие следственных действий в современном уголовном процессе России	19
Глава 2 Система следственных действий в уголовном процессе России	28
2.1 Основания производства и виды следственных действий	28
2.2 Перспективы развития института следственных действий.....	41
Глава 3 Проблемы производства отдельных следственных действий в российском уголовном судопроизводстве.....	50
3.1 Общие проблемы теории и законодательной регламентации производства следственных действий.....	50
3.2 Актуальные проблемы производства отдельных следственных действий на практике	57
3.3 Пути решения теоретических и практических проблем системы следственных действий.....	65
Заключение	72
Список используемой литературы и используемых источников	75

Введение

Актуальность работы состоит в следующем. Следственное действие является средством фиксации доказательств по уголовному делу, способствует установлению истины. Эффективность следственного действия сказывается на результате всего расследования дела. Вместе с тем, институт следственных действий не совершенен, что отражается на правоприменении в целом. Данные факты свидетельствуют об актуальности темы исследования, что и послужило причиной для ее выбора.

Степень разработанности темы исследования заключена в следующем. Тема производства следственных действий отражена в трудах таких отечественных ученых, как: С.В. Зуев, И.В. Гурлев, Е.В. Елагина, И.Н. Клыкова, М.Е. Омельченко, В.Д. Рыжов, С.Ф. Шумилин и др. Вместе с тем, в науке уголовно-процессуального права недостаточно внимания уделено, например, таким проблемам института следственных действий, как: понятие следственных действий, их правовая природа, классификация следственных действий; законодательная регламентация неотложных, следственных действий; проблемы производства следственных действий в теории и на практике и пути их решения.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе уголовно-процессуального производства при выполнении следственных действий.

Предметом исследования - законодательство, регулирующее систему следственных действий, правовые позиции высших судов, теоретические воззрения и правоприменительная судебная практика в данной сфере.

Цель исследования – анализ следственных действий в системе уголовно-процессуальной деятельности.

Задачи исследования – рассмотреть зарождение и становление института следственных действий в России, проанализировать понятие следственных действий в современном уголовном процессе России, раскрыть

основания производства и виды следственных действий, установить перспективы развития института следственных действий, проанализировать общие проблемы теории и законодательной регламентации производства следственных действий, а также практические проблемы производства отдельных следственных действий, предложить пути решения теоретических и практических проблем системы следственных действий.

Методологическая основа исследования - общенаучные методы познания (анализ, синтез, моделирование, диалектика) и частнонаучные методы познания (исторический, ретроспективный, сравнительно-правовой, формально-логический, конкретно-социологический, статистический), способствовавшие всестороннему и предметному исследованию поставленных вопросов.

Нормативно-правовая основа исследования - Конституция Российской Федерации, международные правовые акты, федеральные законы и иные источники.

Теоретическую основу исследования - философско-правовые труды следующих авторов: С.В. Зуева, И.В. Гурлева, Е.В. Елагиной, И.Н. Клыкова, М.Е. Омельченко, В.Д. Рыжова, С.Ф. Шумилина и многих других, в работах которых нашли отражение вопросы следственных действий в системе уголовно-процессуальной деятельности.

Научная новизна исследования в том, что работа является исследованием правовой природы и процессуального порядка производства следственных действий с учетом анализа новой литературы, а также освещении актуальных на сегодняшний день проблем производства отдельных следственных действий с помощью применения такого метода исследования, как системный подход, в исследовании и предложении новых путей решения данных проблем.

Глава 1 Становление института следственных действий в России

1.1 Зарождение и становление института следственных действий в России

Приступая к изучению истории зарождения и становления института следственных действий в России, необходимо обратиться к истокам истории Российского государства. Говорить о том, что преступности в те времена не существовало, нельзя. Преступность, как социальное явление, сопровождает общество на пути его развития и по настоящее время. Отсюда возникает вопрос, как же государство на этапе его раннего становления боролось с такими проявлениями. Первые русские князья в основном занимались вооруженными набегами на соседние государства. Из походов на земли латинян русичи возвращались не только с добычей, но и с новыми знаниями. Поэтому не случайно, еще до зарождения первых законодательных актов уже имели место быть международные соглашения, обеспечивающие правопорядок между государствами. Как, например в русско-греческом договоре, датированном 911 годом: «Если Русин убьет христианина (т.е. грека) или христианин убьет Русина, пусть убийца будет задержан ближними убитого и да убьют они его» [12, с. 69]. Однако, открытым остается вопрос, а кто же, все-таки осуществлял поиск виновного лица.

Как отмечают исследователи, в те времена обязанность поймать преступника, найти доказательства его вины, возможных свидетелей лежала целиком на жертве, в отношении которой было совершено преступление или на ее родных. Посредством гонения следа и свода возможно было поймать преступника, при этом государство не имело к этому никакого отношения, а уж тем более компетентных органов уполномоченных на осуществление данных действий. Единственными, кто могли оказать помощь жертве в розыске преступника, являлась община.

В расследовании преступлений, как и в становлении государственности

в целом, огромную роль сыграло принятие первого законодательного источника – Русской Правды. В ее последней редакции уже насчитывалось наличие двух форм сыска.

Первый представлял собой публичное заявление на торговых площадях о совершенном преступном деянии – так называемый заклич.

Второй формой выступал сам розыск виновного по следам, оставленным им на месте преступления - так называемое «гонение следа».

Так, в соответствии со статьей 77 указанного закона, лицом, совершившим противоправное деяние, признавался тот, к чьему дому приводил след, дальнейшее разбирательство в причастности к преступлению пойманного не предусматривалось. При этом ответственность могло нести и все поселение, если след приводил к нему, без указания на конкретного человека, а община воспротивилась добровольной выдачи преступника.

«В случаях, когда след терялся на дороге – поиск прекращался» [42, с. 255].

Иначе говоря, анализ периода зарождения уголовно-процессуального права, а в частности, становления института следствия и приуроченных к нему действий, свидетельствует о том, что в данный период они практически полностью отсутствовали, и имелись только способы поимки и наказания преступников собственными силами, без участия государства.

Такое законодательное положение о деятельности по розыску лица, совершившего преступление, просуществовало до конца XV века. Судебник 1497 г. впервые предусмотрел положение о том, что розыск виновных и сбор доказательств возлагался на специально созданный аппарат должностных лиц.

Дальнейшее усовершенствование судебной системы, выраженное в ее централизации, породило образование специализирующихся на розыске институтов, так называемых штатов недельщиков и доводчиков. В их служебные обязанности входили не только розыск лиц, совершивших преступные действия (по поручению суда или в помощь потерпевшей стороне), но и обеспечение, а также поиск доказательств. В качестве

письменных доказательств, которые теперь могли быть активно использованы сторонами, рассматривались договоры различного содержания, а также жалованные грамоты и судебные решения.

Суть розыскного процесса состояла в том, что явка в суд уже не зависела от желания обвиняемого. Инициатором такого рода процесса выступало само государство, посредством выдачи преступнику «заявной грамоты».

Иной процесс, так называемый следственный, характеризовался допросом обвиняемого, взамен традиционного допроса сторон.

При следственном процессе состязание сторон заменялось допросом обвиняемого.

Как отмечают исследователи, проведение допроса лица, совершившего преступное деяние, должно осуществляться под контролем князя или судьи, по решению которых недельщики могли выдать его на поруки. При проведении данного следственного действия не допускались хитрости в отношении допрашиваемого и его самоговора. Для данного процесса были характерны такие следственные действия, как обыск, очная ставка, освидетельствование, осмотр места происшествия и пытка. Суть последнего была заставить преступника сказать правду и признаться в совершенном деянии. Проводили ее недельщики по делам о кражах.

Следует отметить, что «по Судебнику 1497 г., пытка была одним из основных способов выяснения обстоятельств дела при производстве дел розыском» [34, с. 155].

Следующим этапом становления и развития уголовно-процессуальной деятельности следователя по собиранию доказательств является принятие Иваном Грозным Судебника в 1550 г.

Необходимо отметить, что по Судебнику 1550 г., розыск осуществлялся только в отношении лиц, совершивших тяжкие преступления (поджог, убийство, разбой, шпионаж). Главное доказательственное значение имели: поимка с поличным, обыск и собственное признание. Также существенное значение имели различные письменные доказательства (грамоты, договоры, и

др.). Так называемый «розыскной процесс» именовался ещё «инквизиционный».

Должностные лица с целью добраться до истины, в качестве основных следственных действий использовали допрос. Когда не удавалось установить непосредственных очевидцев произошедшего, то применялся так называемый «массированный допрос». В качестве допрашиваемых выступало все население, искали очевидцев. Признавалась значимость свидетельских показаний. Однако, если сегодня, согласно ст. 75 УПК РФ [60], недопустимыми признаются показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности, то как мы видим, в XVI веке дела обстояли иначе.

Особенностью инквизиционного процесса является и то, что инициаторами дела выступали государственные органы в лице их должностных лиц. Уголовное дело начиналось с издания «заявной грамоты», в которой содержалось предписание властям задержать и доставить в суд обвиняемого.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что на протяжении длительного периода времени, с момента образования Древнерусского государства и до принятия Судебника 1550 г. включительно, деятельность должностных лиц по собиранию доказательств, производству сыска носила обвинительный уклон. Это следует также из того, что полученные в ходе допроса сведения не подлежали проверке, а признавались истинными.

В 1649 г. Земским собором было принято Соборное уложение. Как и прежде, Соборное уложение предусматривала розыскную форму деятельности должностных лиц государства. Розыскной процесс (сыск) применялся по наиболее тяжким уголовным делам. Производство по уголовному делу начиналось с заявления потерпевшего, либо с момента обнаружения факта (события) преступления, либо с момента наговора (доноса) со стороны третьих лиц. В качестве следственных действий, проводимых в данный период,

широко применялись ранее известные Российскому государству. Так, расследование по уголовному делу начиналось с опроса свидетелей, производства повальных обысков, допроса подозреваемого, применения пыток.

Петровская эпоха внесла коррективы во все сферы жизни, преобразовала государственную политику и, в частности, реализовала на практике самостоятельность следственного органа, отграничив его от иных органов государственной власти.

Стартовой точкой в развитии следственных органов, как самостоятельной структуры стали «майорские» канцелярии. В их компетенцию входило расследование наиболее опасных деяний, в частности против государства и власти. Правовую основу их деятельности составил Наказ «майорским» канцеляриям от 9 декабря 1717 г.

Необходимо отметить, что вышеуказанный Наказ впервые предусматривал появление такого процессуального документа, как обвинительное заключение, которым прекращалось производство по уголовному делу. При этом процессуальные действия в отношении правящей верхушки, согласно данному документу требовалось проводить в Сенате.

Деятельность М.М. Сперанского, поддерживаемая верхушкой государственной власти, в начале позапрошлого века, в сфере следствия была направлена на установление максимальных разграничений суда и следствия, тем самым породившая создание должности следственных приставов при полиции. Правовую основу данного института составил Указ Александра I от 29 августа 1808 г. в г. Санкт-Петербурге. Круг их полномочий составлял как предварительное следствие.

Уже в середине XIX века нагрузка на следственные органы значительно выросла и возникла острая необходимость ее реорганизации, путем разграничения форм расследования в зависимости от тяжести совершенных деяний. Впервые была обозначена проблема необходимости упрощенной формы предварительного расследования деяний, посредством временного

сокращения.

Так, в 1832 году возник первый прообраз формы дознания. Свое законодательное закрепление она нашла в ч. 2 т. 15 Свода уголовных законов, который в своих нормах выделял производство в форме предварительного следствия и формальное следствие. При этом первая отличалась своей упрощенностью и сокращением сроков. Средствами для достижения целей формального следствия являлись допрос обвиняемого, производство следственных осмотров (осмотр места происшествия), освидетельствование, производство повального обыска, выемки.

По мнению М.А. Балугянского, «подчинение суда губернатору, определение судей посредством выборов, крайняя медлительность разбирательства в связи с тем, что в чрезвычайной ситуации все дела идут в Сенат, и судебное разбирательство становится бесконечным» [8, с. 42]. Главный акцент, который делает данный государственный деятель - это наличие независимой судебной власти, поскольку пока губернатор правомочен отдавать приказы судьям в рамках судопроизводства - в стране не может быть порядка.

В его разработке полиция была поделена на две категории. Первая из них представляла собой Административную полицию, а вторая полицию по безопасности, которая и проводила расследование. Круг полномочий второго подразделения сводился не только к расследованию преступлений, но и розыску преступников, доставке их в суд, а также исполнение приговоров под надзором органов прокуратуры.

Таким образом, суть идеи по передаче предварительного следствия судам, а также иные предложения по совершенствованию всей судебной системы М.А. Балугянского были по достоинству оценены высшими органами власти, получив свое признание. Основные заключения из данного проекта «были заложены в основу досудебной реформы 60-х годов XIX века» [66, с. 55].

В конце XIX века таким государственным деятелем, как Д.Н. Блудов,

был представлен проект Хартии уголовного судопроизводства по преступлениям. Его сущность сводилась главным образом к полному отделению суда от администрации и следствия от полиции. Так называемая «следственная единица» должна была входить в юрисдикцию суда. По его мнению: «будущие следователи должны быть созданы в судах первой степени и даже быть членами судами» [14, с. 45].

Следует отметить, что проекту данного государственного деятеля так и не суждено было воплотиться в жизнь, поскольку нынешние правящие круги отличались консервативными взглядами и не имели интереса к справедливости судебного разбирательства.

В данном контексте следует признать, что хоть данный проект и не нашел своего воплощения в жизни государства в те времена, но послужил стартовой точкой в реформации института предварительного следствия Александром II.

Незадолго до отмены крепостного права была осуществлена реформа в соответствии с которой был «учрежден институт Судебных Следователей, в обязанности которых входило производство следствий о всех преступлениях и проступках, подлежащих ведению судебных мест» [52, с. 210]. Данные должностные лица были подконтрольны и подотчетны перед чиновниками Министерства Юстиции.

Одновременно с данным указом «Об отделении следственной части от полиции» получили свою реализацию и ряд других правовых актов, своего рода инструкций, регламентирующих деятельность и полномочия судебных следователей, а также рекомендации о первоначальных исследованиях в связи с совершенным преступлением или проступком. Более того, данный правовой акт того времени предусматривал и порядок взаимодействия института судебных следователей с прокурором и иными органами в данной сфере.

«Следует отметить, что данный указ несколько перекликается с ныне действующим УПК РФ, в части проведения отдельных видов следственных действий, так, например, допрос или очная ставка, перед их проведением,

требовали вынесения мотивированного постановления от следователя» [14, с. 68].

Существенное значение имел Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. (УУС). Согласно ст. 249 УУС, предварительное следствие проводилось судебными следователями при содействии полиции. Так, о всяком происшествии, заключающем в себе признаки преступления или проступка, полиция немедленно и никак не позже суток по получении о том сведения сообщает судебному следователю и прокурору. Главной новеллой можно считать положения ст. 256 УУС, согласно которым следователь обязан устанавливать не только обстоятельства, уличающие лицо в совершении преступления, но и обстоятельства, оправдывающие последнего. При осуществлении своих полномочий полиция использовала такие процессуальные действия, как словесный расспрос, негласное наблюдение, однако в дальнейшем последнее составляет предмет оперативно-розыскной деятельности, но никак не процессуальной.

В соответствии со ст. 270 УУС, судебный следователь имеет право направлять требования в орган полиции, подлежащие обязательному исполнению. Данное положение заслуживает внимания. Согласно п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, следователь вправе давать органу дознания обязательные для исполнения поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий. Отсюда следует, что такое широко применяемое процессуальное действие следователя, направленное на собирание доказательств, имеет глубокие исторические корни, и «образует как организационную, так и функциональную составляющую правового института следователя» [67, с. 69].

Наибольший интерес представляет положения главы IV УУС, где непосредственно регламентирован порядок производства следственных действий.

Своего рода ограничения, касающиеся лиц, которые могут принимать участие в качестве понятых при производстве осмотра, предусматривает ст. 320 УУС. Так, данной нормой предусматривается, что «понятыми к

осмотру или освидетельствованию приглашаются из ближайших жителей: в городах - хозяева домов, лавок, промышленных и торговых заведений, а также их управляющие и поверенные; в местечках и селениях кроме вышеупомянутых лиц - землевладельцы, волостные и сельские должностные лица и церковные старосты. В случаях, не терпящих отлагательства, судебный следователь может пригласить и другие лица, пользующиеся общественным доверием. Здесь можно увидеть, что законодатель четко определяет круг лиц, которые могут привлекаться для участия в следственных действиях в качестве понятых» [33, с. 235].

УУС детально регламентирует процессуальный порядок производства обыска. Отделение второе главы четвертой УУС предусматривает следующие особенности производства обыска, разрешая его проведения только в случаях, если имеются более чем основательные подозрения, что в жилом помещении будет обвиняемый или предметы, имеющие значение для уголовного дела.

В случаях если данное следственное действие требовало своего проведения в доме министров иностранных дел, то требовалось соответствующее соглашение.

Обыски в монастырях и подобных учреждениях, а равно как в казармах и образовательных учреждениях производились по соглашению с начальством или руководством данного управления.

Согласно ст. 405 УУС, при допросе обвиняемого следователь не должен домогаться признания обвиняемого, ни ухищрениями, ни угрозами или тому подобными мерами вымогательства. Данное положение является основой современного принципа уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 9 УПК РФ: уважение чести и достоинства личности.

Подводя итоги, стоит сказать, что такими событиями и переменами в статусе ознаменовалась для следователей судебная реформа 1864 г.

Анализ УУС 1832 г. позволяет сделать выводы о том, что законодатель, принимая данный нормативный правовой акт, положил начало ориентированию на приоритет прав и свобод человека и гражданина. Именно

детальная регламентация порядка производства следственных действий дает возможность говорить об уважении чести и достоинства личности, объективности, всесторонности и полноте деятельности следователя по собиранию доказательств.

Именно Устав уголовного судопроизводства 1832 года явился фундаментом для действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

По мнению ряда специалистов, в первые годы правления Советской власти, следственные органы не были расформированы полностью, а институт судебных следователей не претерпел ликвидации, ввиду того, что его полномочия были переданы судье народного суда.

В обозначенном случае следственный аппарат приобрел неоднозначную природу. С одной стороны представленный органами юстиции и ВЧК, а с другой – органами внутренних дел.

В рамках преодоления данной проблемы «в марте 1920 г. НКВД РСФСР принимает ряд мер по учреждению следственного аппарата в своей системе (были созданы следственно-розыскные отделы и следственно-розыскные столы)» [13, с. 153].

Свою юридическую оболочку следственные органы получили посредством закрепления в Положении о рабоче-крестьянской милиции, утвержденном декретом ВЦИК и СНК РСФСР 10 июня 1920 г. Отныне только им были переданы полномочия по осуществлению предварительного следствия.

В дальнейшем, начало Гражданской войны поспособствовало ликвидации следственного аппарата в органах НКВД.

Гражданская война и интервенция 1921 года предопределили то, что следствие осуществляли сразу несколько аппаратов: «Всероссийская и местные чрезвычайные комиссии, следственные комиссии (следователи-докладчики) революционных трибуналов, уголовно-следственные комиссии и пришедшие им на смену участковые народные следователи по важнейшим

делам, военные следователи (военно-следственные коллегии военных комиссариатов) и следователи в органах НКВД. В отдельных случаях предварительное следствие вели постоянные народные судьи и члены окружных судов» [27, с. 14].

В 1923 году был принят УПК РСФСР 1923 г. Принятый нормативный акт продолжил развитие сложившейся системы следственных и процессуальных действий следователя по собиранию доказательств.

Статья 113 УПК РСФСР 1923 года впервые предусмотрела обязанность следователя устанавливать при производстве по уголовному делу обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также характер совершенного деяния.

Допрос обвиняемого проводился не позднее 24-х часов с момента предъявления обвинения. В начале допроса обвиняемому предлагалось рассказать об известных ему событиях, имеющих значение для уголовного дела. Особенностью является то, что обвиняемый, по заявленному им ходатайству, мог собственноручно написать свои показания в протоколе допроса. Однако, чем была вызвана такая законодательная конструкция остается не ясным.

Свидетели допрашивались порознь и в отсутствии других свидетелей. Предмет допроса свидетелей ограничивался только фактами, подлежащими установлению по конкретному уголовному делу и характеристикой личности обвиняемого.

Обыск и выемка производились на основании мотивированного постановления следователя. Обыски и выемки, кроме случаев, не терпящих отлагательств, производились днем. Такие следственные действия как обыск или выемка проводились в обязательном присутствии понятых, а также хозяина обыскиваемого помещения или лиц проживающих с ним. В ряде случаев это могли быть соседи.

«Все изъятые предметы, представляющие собой улики по тому или иному уголовному делу, опечатывались на месте» [34, с. 105].

Впервые УПК РСФСР 1923 г. предусмотрел самостоятельный вид следственного осмотра - осмотр почтово-телеграфной корреспонденции.

Следующим этапом становления и развития деятельности следователя по собиранию доказательств было принятие Верховным Советом СССР «Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» 1958 г. Согласно ст. 30 данных Основ, следователь самостоятельно направлял ход расследования уголовного дела, был независим при производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда для производства таких действий требовалось судебное решение, либо санкция прокурора.

Именно Основы уголовного судопроизводства 1958 г. впервые ограничили самостоятельность следователя при решении о производстве обыска. Так, ст. 35 Основ уголовного судопроизводства 1958 г. предусматривала, что обыск производился на основании постановления следователя и при наличии санкции прокурора.

Достаточно узкой регламентацией предварительного следствия характеризуются Основы уголовного судопроизводства 1958 г.: отсутствовал детальный порядок производства тех или иных следственных действий.

27 октября 1960 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР был принят УПК РСФСР 1960 г.

На данном историческом этапе предварительное следствие производилось следователями прокуратуры, следователями органов внутренних дел и следователями органов государственной безопасности.

В качестве иных процессуальных действий, направленных на собирание доказательств, ст. 127 УПК РСФСР 1960 г. предусматривала право следователя давать обязательные для исполнения поручения органам дознания о производстве розыскных и следственных действий. Закреплялась также обязанность следователя при производстве расследования привлекать общественность для раскрытия преступлений и

розыска лиц, их совершивших, а также в целях предупреждения совершения преступлений.

Научно-техническое развитие государства того времени наложило свой отпечаток и на деятельность следователя в уголовно-процессуальном законодательстве 1960 года. Отныне ему были предоставлены абсолютно новые полномочия по применению технических средств, при проведении того или иного следственного действия. «Так, стало возможным применение звукозаписи при производстве допроса подследственного или свидетеля. При этом инициатором проведения следственного действия именно в таком формате могли быть как само должностное лицо, ведущее расследование, так и допрашиваемый» [15, с. 370].

УПК РСФСР 1960 г. существенно предопределил положения действующего уголовно-процессуального законодательства настоящего времени. Такой вывод можно сделать из анализа ряда норм, регламентирующих порядок производства некоторых следственных действий.

Так, ст. 165 УПК РСФСР 1960 г. предусматривала порядок производства предъявления для опознания: перед началом предъявления опознаваемому предлагается занять любое место среди предъявляемых лиц, что отмечается в протоколе. Предмет предъявляется в группе однородных предметов.

Коренным образом меняется ситуация в государстве с момента распада СССР 25 декабря 1991 г. Однако стоит отметить, что, еще до распада СССР, Верховным Советом СССР 24 октября 1991 г. было принято постановление «О концепции судебной реформы в РСФСР».

«Получается, что государство уже готовилось к изменениям не только в государственном строе в целом, но и в сфере судопроизводства, в том числе уголовного, в частности» [26, с. 133].

Данная концепция послужила базисом для развития институтов уголовно-процессуального законодательства. Следует отметить, что, как и

изживший себя Советский Союз, устарело и его законодательство, потребовав принципиально нового законодательного подхода, отвечающего современным реалиям. Законодатель предвидел данную потребность правового урегулирования всех сфер жизни общества, но 90-е годы требовали новаций, в своем большинстве, уголовно-правовой сферы, ввиду чего, не случайно, что еще до вступления в действие Основного закона нашего государства, началась работа по подготовке нового УПК РФ.

Демократичный характер всех проводимых в государстве реформ был положен в основу концепции и судебной. Основной целью судебной реформы было обеспечение комплекса гарантий для всех без исключения участников уголовного судопроизводства, который должен быть достигнут посредством состязательности уголовного процесса, а также введением судебного контроля, в части его законности и обоснованности на первоначальных этапах следствия. Виделась необходимость в «лишении правосудия обвинительных черт, расширении прав сторон по собиранию и приобщению доказательств» [4, с. 118].

Следует отметить, что в настоящее время институт следственных действий, представленный в рамках действующего УПК РФ, продолжает свою трансформацию, дополняясь новыми следственными действиями, порождаемыми развитием научно-технического прогресса. На сегодняшний день общим числом они насчитывают порядка шестнадцати, при этом в отличие от предыдущих кодексов, действующий, дополнил систему тремя новыми: личный обыск, выемку и осмотр почтово-телеграфных отправок; проверку показаний на месте.

Далее в 2010 году данный институт пополнился еще одним элементом - получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Видится, что это не последнее дополнение, поскольку активное развитие научно-технического прогресса, порождающее все более изощренные

способы совершения преступлений, сопряженные с использованием новейших средств технологий, стимулируют законодателя своевременно реагировать и включать в систему все новые следственные действия, тем самым повышая уровень раскрытия преступности в Российской Федерации.

Можно сформулировать общий вывод, что развитие и становление следственных действий диктовалось историческими устоями общества, под влиянием практики. Устав уголовного судопроизводства 1832 г. стал фундаментом правовой основы следственных действий дореволюционного периода. Советский период истории России, и в частности, истории становления и развития следственных действий, во многом predetermined современные реалии института следственной деятельности. Принимаемые на данном этапе нормативные акты явились фундаментальной основой действующего уголовно-процессуального законодательства РФ.

Следует отметить, что в настоящее время институт следственных действий, представленный в рамках действующего УПК РФ, продолжает свою трансформацию, дополняясь новыми следственными действиями, порождаемыми развитием техники. Активное развитие научно-технического прогресса, порождающее все более изощренные способы совершения преступлений, сопряженные с использованием новейших средств технологий, стимулируют законодателя своевременно реагировать и включать в систему новые следственные действия, тем самым повышая уровень раскрытия преступности в Российской Федерации.

1.2 Понятие следственных действий в современном уголовном процессе России

Построение доказательственной базы, ее объем, во многом обусловлены объективностью и правильностью проведенных следственных действий.

Исследовательский анализ предпосылок возникновения данного института и его развития продемонстрировал, как он эволюционировал, как

возросло количество проводимых следственных действий и в какой момент он получил конкретную процессуальную форму.

Анализу понятия следственного действия и его существенным характеристикам посвящены многочисленные доктринальные источники, что видится вполне обоснованным, поскольку даже в настоящее время на законодательном уровне не сформулировано ни понятие, ни сама система следственных действий. Более того, уголовно-процессуальный кодекс, в своих нормах, активно использует понятие «следственные действия», как абсолютно определенное. Такая правовая ситуация на сегодняшний день порождает определенные сложности в правоприменительной практике, возникает неясность по поводу вопроса, какие действия следует относить к следственным.

Вместе с тем, при отсутствии надлежащего правового регулирования понятия «следственное действие», наблюдается высокая степень научной разработанности данного понятия. В его разработке были задействованы такие ученые, как С.А. Шейфер, А.С. Смирнов, К.Б. Калиновский, А.А. Давлетов, Б.Т. Безлепкин, Р.С. Белкин, В.М. Быков, И.Е. Быховский, Л.В. Веницкий, С.Э. Воронин, В.К. Гавло, Ю.В. Деришев, В.В. Кальницкий и многие другие.

Так, по мнению С.А. Шейфера, следственное действие – это «способ собирания (формирования) доказательств, который представляет собой регламентированный уголовно-процессуальным законом и осуществляемый следователем (судом) комплекс познавательных и удостоверительных операций, соответствующих особенностям определенных следов и приспособленных к эффективному отысканию, восприятию и закреплению содержащейся в них доказательственной информации, т. е. получению соответствующего вида доказательства» [65, с. 15].

А.С. Смирнов и К.Б. Калиновский придерживаются мнения, что «следственные действия – это такие способы собирания и проверки доказательств, которые детально регламентированы законом и обеспечены возможностью применения государственного принуждения» [53, с. 154].

А.А. Давлетов связывает определение следственного действия с деятельностью следователя, дознавателя по собиранию доказательств с целью установления обстоятельств уголовного дела, обеспеченной государственным принуждением [22, с. 196].

Б.Т. Безлепкин кратко именуют следственные действия процессуальными способами собирания и проверки доказательств по уголовному делу [10, с. 88].

Разрозненность определений следственного действия обусловлена его правовой природой. Ввиду того, что, как доктринальные источники, так и законодательство не приводят исчерпывающего перечня следственных действий, то предполагается, что ученые-криминалисты вольны самостоятельно формировать их систему.

Анализируя правовую природу данного процессуального явления, следует в первую очередь выделить, что оно представляет собой юридический факт, порождающий определенное правоотношение, субъектом которого является уполномоченное уголовно-процессуальным законом должностное лицо производящее собирание, исследование и оценку доказательственной базы.

В ходе анализа нормативно-правовых актов в данной сфере, можно обратиться к п. 32 ст. 5 УПК РФ, в котором говорится, что понятие «процессуальное действие включает следственное, судебное, а также иное действие, проводимое в урегулированном уголовно-процессуальном законом порядке» [61].

Рассматривая указанную формулировку, исследователи отмечают, что данное определение имеет не совсем корректное содержание, которое должно быть присуще легальному толкованию, поскольку его основной целью должно являться именно четкое определение признаков и особенностей данного явления, позволяющих его выделить на фоне иных.

Если должным образом проанализировать данное определение, то при буквальной его трактовке, под процессуальными действиями законодатель

предлагает рассматривать именно действие. При этом стоит отметить, что в своих нормах уголовно-процессуальное законодательство содержит множество указаний, как на процессуальное действие, так и на следственное, при этом до настоящего времени в нем отсутствует само определение данных уголовно-процессуальных явлений» [3, с. 27].

Научное толкование понятия процессуального действия позволяет однозначно утверждать, что это «действие, производимое в строгом соответствии с нормами УПК», при этом, эти действия разделяются на следственные, судебные и иные. Иными словами, легальное толкование процессуального действия указывает лишь на один его признак – урегулированность нормами уголовно-процессуального права.

В рамках исследования данного процессуального явления, необходимо разграничить следственные действия от иных процессуальных действий следователя или дознавателя.

Их характерной чертой является то, что они осуществляются в рамках процесса, а конкретно досудебной стадии, при этом не все процессуальные действия должностного лица, возможно отнести к следственным по ряду признаков. Примечательно, что и во многих доктринальных источниках подобное подразделение также отсутствует.

Так, ряд авторов, полагают, что данное процессуальное явление считается именно следственным действием, если деятельность должностного лица направлена на собирание, исследование, оценку доказательственной базы.

Мнения других сводятся к признанию следственным действием только процессуально значимых актов должностных лиц, ведущих расследование [65, с. 9].

Полагаем, что доля истины наблюдается в обоих приведенных мнениях, поскольку сутью проведения любых следственных действий является установление фактических обстоятельств дела и получение достоверной доказательственной базы, при этом, если действия должностного лица не

направлены на ее получение, то они все-равно остаются процессуальными, но не относятся к следственным.

К примеру, чисто процессуальный характер имеют действия должностного лица ведущего следствие, как наложение ареста на имущество или же эксгумация трупа. Главное их отличие от следственных действий кроется в том, что они выполняют обеспечивающую процессуальное доказывание роль и не содержат прямой направленности на собирание и проверку доказательственной базы.

Полагаем, что к категории следственных действий нельзя отнести и действия участников процесса по предоставлению письменных документов и предметов для приобщения к материалам дела в качестве доказательств, поскольку они не собираются непосредственно должностным лицом, ведущим расследование. Категорию «иные процессуальные действия» лица, ведущего расследование, пополняют и акты, предусмотренные ст. 146 УПК РФ, а также ст.ст. 91-118 УПК РФ и прочее.

Таким образом, основными признаками следственного действия, как уголовно-процессуального явления являются следующие.

Во-первых, им свойственна оценочно-познавательная направленность, выраженная в получении информации, основанной на фактах, которая в дальнейшем подвергается оценке. При ее получении, должностное лицо ведущее расследование использует различные методы научного познания.

Факты, полученные лицом, ведущим расследование, собираются в порядке, установленном законом, и в случае возможности получения из них доказательств, облакаются в процессуальную форму. Сущность любого следственного действия обусловлена тем, что должностное лицо, ведущее расследование того или иного преступления, обязано выявить только факты, из которых возможно получить доказательственную информацию и запротоколировать данного процесс. При этом сами факты внешне не зависят от данного лица, его компетенцию составляет лишь выявить их и, проявляя свои познания в области методов исследования отобразить их в протокольной

форме.

Второй признак данного уголовно-процессуального явления проявляется через призму государственного принуждения. Его суть сводится к тому, что должностное лицо, уполномоченное государством вести расследование, обладает определенным комплексом мер государственного принуждения по отношению к участникам процесса, например, обеспечить привод свидетеля.

Данный признак имеет в своей основе нравственные начала, к примеру, недопустимость разглашения личных сведений о лицах, ставших известным сотрудникам правоохранительных органов в рамках проведения следственных действий при расследовании преступлений. Также недопустимо унижение чести и достоинства граждан.

В-третьих, как эффективное средство познания истины, данное уголовно-процессуальное явление всегда в той или иной степени связано с ограничениями прав личности, посредством того, что должностное лицо, в рамках выполнения своей обязанности по расследованию преступлений, вынуждено вмешиваться в личную жизнь и личные интересы граждан, будь то подозреваемые, обвиняемые или же потерпевшие и свидетели, проходящие по данному делу.

Нормы Конституции РФ[31] ограничивают вмешательство в личную жизнь граждан, провозглашая их высшей ценностью, тем самым создавая ограничение посредством Основного закона нашей страны, на проведение следственных действий предусматривающих подобное вмешательство. В этой связи любое следственное действие должно проводиться только при наличии определенной цели и достаточного основания для его проведения.

Четвертым признаком, характерным именно для следственного действия, является «наличие законодательно закрепленной процедуры его проведения» [68, с. 69].

Суть данного признака сводится к тому, что данному уголовно-правовому явлению присуще строгое правовое регулирование. Следственные

действия должны проводиться в точном соблюдении норм действующего уголовно-процессуального законодательства и накладывает на должностных лиц, проводящих следственные действия, определенные обязанности, например, посредством разъяснения участникам их прав.

Таким образом, все вышеперечисленные признаки, а также иные, указываемые некоторыми учеными в своих трудах, свидетельствуют о том, что в рамках действующего уголовно-процессуального законодательства содержится самостоятельный институт норм, регламентирующих основания проведения, условия выполнения, содержание и форму следственных действий, которыми должны руководствоваться следственные органы, при проведении расследования.

Соблюдение всех законодательно установленных условий, предъявляемых к данным процессуальным явлениям, играет важнейшую роль в правомерности дальнейшего использования их результатов в качестве доказательств. Так, в последовательном выполнении ряда условий предусмотренных для следственных действий относительно круга участников, фактических и юридических оснований, места и времени их проведения, оформления полученных результатов выражается динамика следственного действия.

На основе анализа признаков следственного действия, представляется возможным сформулировать общую цель, данного правового института, которая выражается в указании на вид и содержание информации, которую предстоит получить.

Законодатель в уголовно-процессуальных нормах не закрепил понятие общей цели, характерной для всех следственных действий, однако предусмотрел ее в статьях, регламентирующих каждый их вид. «Так, к примеру, в соответствии со ст. 183 УПК РФ, выемка проводится для изъятия определенных предметов и документов, если точно известно, где и у кого они находятся» [58, с. 237].

В производстве следственных действий представляется возможным

выделить правовые и фактические основания. Первые представляют собой совокупность уголовно-процессуальных норм, посредством которых должностному лицу, проводящему расследование, предоставляются условия на их проведение. Вторые же представляют собой конкретные сведения о возможности извлечения доказательственной информации из следов определенного вида.

Таким образом, на основе анализа понятий, приводимых различными доктринальными источниками, признаков, с целью минимизации расширительного толкования права и ошибок в правоприменении целесообразно в ст. 5 УПК РФ закрепить определение следственных действий.

Предлагаем следующую их формулировку: следственные действия представляют собой предусмотренные уголовно-процессуальным законом процессуальные действия уполномоченных государственных органов предварительного расследования по собиранию, проверке и удостоверению (оформлению) доказательств, проводимые с целью установления и доказывания фактических обстоятельств, имеющих значение для установления истины по уголовному делу.

Итак, по итогам данного раздела, можно сформулировать следующие выводы:

Развитие и становление следственных действий диктовалось историческими устоями общества, под влиянием практики. Устав уголовного судопроизводства 1832 г. стал фундаментом правовой основы следственных действий дореволюционного периода. Советский период истории России, и в частности, истории становления и развития следственных действий, во многом предопределил современные реалии института следственной деятельности. Принимаемые на данном этапе нормативные акты явились фундаментальной основой действующего уголовно-процессуального законодательства РФ.

Следует отметить, что в настоящее время институт следственных действий, представленный в рамках действующего УПК РФ, продолжает свою

трансформацию, дополняясь новыми следственными действиями, порождаемыми развитием техники.

Активное развитие научно-технического прогресса, порождающее все более изощренные способы совершения преступлений, сопряженные с использованием новейших средств технологий, стимулируют законодателя своевременно реагировать и включать в систему новые следственные действия, тем самым повышая уровень раскрытия преступности в Российской Федерации.

На основе проведенного аналитического обзора нормативно-правовых актов, а также анализа понятий, приводимых различными доктринальными источниками и признаков, с целью минимизации расширительного толкования права и ошибок в правоприменении, целесообразно в ст. 5 УПК РФ закрепить определение самих следственных действий.

Глава 2 Система следственных действий в уголовном процессе России

2.1 Основания производства и виды следственных действий

Термин «основания производства следственных действий», как и само понятие «следственные действия» в рамках уголовно-процессуального законодательства не конкретизируется. При этом в ст.164 УПК РФ содержатся базовые правила, фундаментальные основания для производства всех следственных действий. Сущность данных оснований рассматривается через принципы, основополагающие начала судопроизводства, обеспечивающие обоснованность, законность и достоверность в процессе собирания, проверки и оценки доказательств.

Следует особо подчеркнуть, что, как и с определением самих следственных действий, отсутствие закрепления понятия оснований возникновения, не мешает законодателю активно использовать его в тексте уголовно-процессуального закона, при регламентации процедуры производства отдельных видов следственных действий.

Как уже отмечалось ранее, некоторые авторы предлагают рассматривать основания проведения следственных действий, подразделяя их на два вида: правовые и фактические. Другими же учеными- процессуалистами предлагается их деление на формальные и фактические [63, с. 94].

Полагаем, что подразделение оснований на правовые и фактические, более соответствует реальности, а сам термин требуется представить, как совокупность правовых и фактических оснований, необходимых и достаточных для производства следственных действий.

Производство любого следственного действия «базируется исключительно на совокупности фактических данных, вне зависимости от того, обосновано ли оно с законодательной точки зрения» [69, с. 9].

При этом правовая природа фактического основания может

складываться из различных обстоятельств (фактов), будь то доказательства, представленные посредством ч.2 ст. 74 УПК РФ, гласные или негласные результаты, полученные посредством оперативно-розыскной деятельности. Нередко в качестве сведений, для проведения определенного следственного действия выступают сразу оба варианта.

В каждом конкретном случае в качестве фактического основания выступают различные сведения и при этом по результатам оценки их достаточности в каждом конкретном случае проводятся и различные следственные действия.

Иначе говоря, базовым основанием для проведения следственного действия служит именно совокупность фактов, обосновывающих необходимость проведения того или иного следственного мероприятия, посредством которого пополняется доказательственная база.

Как уже упоминалось выше, законодатель не дает понятия основаниям проведения следственных действий в общем, но конкретизирует их в зависимости от видов. Так, например, при производстве следственного действия, установленного статей 183 УПК РФ, законодательно сформулирована цель при установлении лица, у которого, определенные предметы находятся, возможна их выемка. Цель очной ставки представлена в качестве установления истины, если показания двух лиц имеют значительные расхождения. Возможность назначения экспертизы обусловлена различными фактическими причинами, начиная от причины смерти потерпевшего и заканчивая установлением возраста участника уголовного судопроизводства, когда это имеет значение, вызывает сомнение и не подтверждено наличием соответствующих документов (ст. 196 УПК РФ) и т.д.

Назначение определенного следственного действия должностным лицом, предполагает, что он планирует получить определенные доказательства и как следствие должно базироваться на его однозначной уверенности в выборе подходящего из них.

Другими словами, «на начальном этапе должностное лицо, проводящее

расследование, должно иметь точную фактическую основу для проведения расследования, чтобы продемонстрировать возможность извлечения необходимой информации из источника, предусмотренного законодательством» [1, с. 102].

Так, некоторые научные деятели в данном виде оснований видят «данные, в которых нужно удостовериться посредством проведения определенного следственного действия» [2, с. 17].

Мнения других излагается более полно и основано на том, что это «суммарный результат взаимосвязи элементов, составляющих правовую познавательную структуру следственного действия (объект – основание – цель)» [65, с. 60].

Конкретика второго из приведенных источников выражена в том, что в нем предусматривается реальная возможность проведения определенного вида следственного действия, а не поднимается вопрос о необходимости такового.

В данном случае, если у должностного лица, производящего расследование уголовному делу нет информации о том, что он хочет получить посредством проведения конкретного следственного действия, то и желаемого результата, возможного внесению в доказательственную базу он не получит.

Выше нами уже было указано на то, что ряд следственных действий представляется возможным осуществить, только после получения соответствующего судебного решения. И в данном контексте, если должностное лицо не предоставит судье соответствующие основания, которые должны лечь в основу запланированного следственного действия, то соответствующего постановления оно не получит. И это видится вполне уместным и разумным, поскольку соответствующее судебное решение направлено на ограничение конституционных и иных прав лиц, их свобод и законных интересов.

Должностное лицо, будь то следователь или дознаватель, проявляя свои профессиональные навыки должен выявить и охарактеризовать фактические

основания. Он должен мысленно выстроить модель запланированного им следственного действия, а если быть точнее должен выявить факт, как источник получения доказательственной базы, тех доказательств, которые он должен получить после его осуществления.

Иными словами, сущность фактических оснований проявляется через призму исключительной достаточности данных, обосновывающих не только возможность, но и необходимость проведения того или иного следственного действия, посредством которого реализуется возможность извлечения доказательственной информации из предусмотренных уголовно-процессуальным законом источников.

Так, С.В. Ефремова полагает, что нормативная модель фактических оснований большинства следственных действий включает в себя три элемента, и отсутствие хотя бы одного делает данное процессуальное явление незаконным:

- «источник, из которого может быть извлечена искомая информация;
- цель следственного действия;
- цель проведения следственного действия;
- фактические данные, обоснованно указывающие на возможность ее достижения» [24, с. 12].

Сами по себе источники могут иметь различную правовую природу, начиная от документов и заканчивая сознанием человека.

Как уже упоминалось выше, в качестве фактических оснований могут быть представлены результаты ОРД. В данном случае к ним предъявлены определенные требования, которые должны соблюдаться следственными органами. Так, результаты ОРД не могут быть получены незаконным способом и должны согласовываться с установленными обстоятельствами по данному уголовному делу, а также сложившейся следственной ситуацией. Более того, они не могут входить в противоречие с уже имеющимися в деле доказательствами.

При этом результаты, полученные посредством ОРД, не могут быть

положены в основу проведения следственного действия в качестве базового, и идти по уголовному делу как альтернатива других доказательств.

В данном контексте, полагаем, что объективизировать процесс, связанный с производством указанных процессуальных явлений, позволило бы закрепление на законодательном уровне определения фактических оснований. В настоящее время их закрепление в различных нормах уголовно-процессуального законодательства не приведено к единообразию и характеризуются различной степенью формальной определенности.

В данном случае считаем целесообразным скорректировать каждую норму, направленную на урегулирование того или иного следственного действия, дополнив ее диспозицию тремя базовыми элементами, а именно:

Во-первых, это источники, посредством которых должностное лицо, ведущее расследование, может получить доказательственную базу.

Во-вторых, четко обоснованную цель проведения данного процессуального действия.

В-третьих, указание на фактические данные в объеме, необходимом для вывода о том, что в источниках действительно содержится искомая информация.

Ряд следственных действий, посягающих на, закрепленные в Основном законе нашей страны, права и свободы граждан, требует правовых оснований, которые предусмотрены в ст. 164 УПК РФ. В частности, часть действий осуществляется на основании постановления следователя, часть – по судебному решению.

В постановлении следователя должна быть четко отражена мотивировочная часть, поскольку его можно обжаловать в прокуратуре или в суде. Должностные лица, ведущие расследование, должны с полной ответственностью относиться к принятому ими решению о проведении соответствующего следственного действия и законодательно не ограничено вынесение подобного акта со стороны следственных органов, даже когда прямо это не предусмотрено.

В качестве юридического основания, наряду с мотивированным постановлением следователя, выступает и постановление суда. При этом следователем уже должен быть вынесен соответствующий акт о возбуждении уголовного дела.

Иначе говоря, фактические основания опосредуются правовыми, но из данного случая бываю исключения. К примеру, проведение такое процессуальное явление как допрос осуществляется непосредственно после принятия решения о его проведении без оформления дополнительных документов.

В ряде случаев, лицо, осуществляющее расследование преступления самостоятельно создает правовые основания, например, постановление о производстве выемки. В иных случаях правовое основание на проведение данного процессуального явления, осуществляется посредством суда.

Законодателем в ч. 1 ст. 164 УПК РФ содержатся указания на следственные действия, в качестве правового основания по которым выступают постановления следственных органов. К их числу относятся:

- эксгумация трупа;
- освидетельствование;
- обыск нежилых помещений;
- выемка в нежилом помещении;
- получение образцов для сравнительного исследования (ч. 3 ст. 202 УПК РФ);
- судебная экспертиза (ч. 1 ст. 171 УПК РФ).

Следственные действия, правовым основанием по которым выступают судебные решения, раскрываются в ч. 2 ст. 164 УПК РФ. К их числу относятся:

- о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц;
- о производстве обыска и (или) выемки в жилище;
- о производстве выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи;

- о производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката в соответствии со статьей 450.1 УПК РФ;
- о производстве личного обыска, за исключением случаев, предусмотренных статьей 93 УПК РФ;
- о производстве выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях;
- о наложении ареста на корреспонденцию, разрешении на ее осмотр и выемку в учреждениях связи;
- о наложении ареста на имущество;
- об установлении срока ареста, наложенного на имущество, и его продлении в порядке, предусмотренном УПК РФ;
- о контроле и записи телефонных и иных переговоров;
- о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Как уже было отмечено выше, некоторые следственные действия не требуют правового основания. К числу таких следственных действий, которые оформляются де-факто, посредством протоколирования относятся:

- допрос обвиняемого или подозреваемого;
- осмотр трупа;
- следственный эксперимент;
- очная ставка;
- допрос свидетеля или потерпевшего; -
- допрос эксперта; предъявление для опознания; проверка показаний на месте.

Как основной способ получения доказательств, следственное действие должно в обязательном порядке присутствовать в нормах уголовно-процессуального законодательства.

В УПК РФ можно выделить следующие виды следственных действий:

- осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов, трупа (ст.ст. 176-178, 180 УПК РФ);
- освидетельствование (ст. 179 УПК РФ);
- следственный эксперимент (ст. 181 УПК РФ);
- обыск помещений, личный обыск (ст.ст. 182, 184 УПК РФ);
- выемка предметов, документов, почтово-телеграфных отправлений, электронной почты и др. (ст. 183 УПК РФ);
- наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185 УПК РФ);
- контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ);
- допрос подозреваемого (ч. 2 ст. 46, ст.ст. 187-190 УПК РФ), обвиняемого (ст. 173 УПК РФ), подсудимого (ст. 275 УПК РФ), свидетеля и потерпевшего (ч. 2 ст. 56, ст.ст. 187-191, 277, 278 УПК РФ), эксперта (ст. 205, 282 УПК РФ), специалиста (ст. 58, ч. 4 ст. 80, ст.ст. 168, 187-190, 271 УПК РФ);
- очная ставка (ст. 192 УПК РФ);
- предъявление для опознания (ст. 193 УПК РФ);
- проверка показаний на месте (ст. 194 УПК РФ);
- производство судебной экспертизы (ст.ст 195-207 УПК РФ).

Прежде всего, следует отметить то, что при расследовании уголовных дел о преступлениях общеуголовной направленности (хищения, причинение вреда здоровью, преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ) наиболее распространенными следственными действиями являются:

- осмотр – к примеру, осмотр места происшествия производится по очень широкой категории сообщений о преступлениях, несмотря на то, что в данном случае отнести его следственному действию нельзя, также, к примеру, «осмотры предметов производятся по большому

количеству уголовных дел об имущественных преступлениях, кроме того, производятся осмотры различных мест, где было совершено преступление против здоровья, особенно когда причинение вреда было совершено с использованием окружающих предметов» [38];

- обыск – крайне важное следственное действие при расследовании преступлений против собственности и преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ;
- выемка – по уголовным делам о преступлениях против собственности, когда местонахождение вещей известно по уголовному делу, и они находятся, к примеру, в жилище, а согласие проживающих – отсутствует;
- контроль и запись переговоров – по уголовным делам о преступлениях, совершенных группой лиц по предварительному сговору или организованной группой лиц, а также – по многим уголовным делам о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Примечательно то, что последнее из перечисленных следственных действий не допускается по уголовным делам о преступлениях небольшой тяжести. Поскольку, к примеру, ч. 1 ст. 228 УК РФ, предусматривает ответственность за незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в значительном размере, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка без цели сбыта растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, в значительном размере. Данное преступление является преступлением небольшой тяжести, в тоже время, следует отметить, что лицо хранящее, к примеру, значительный объем наркотического средства, зачастую связано с лицами, которые также хранят наркотические средства, может передавать

информацию с использованием средств связи о том, где данное лицо еще хранит наркотические средства, однако, УПК РФ запрещает производство указанного следственного действия по данным делам. «Разумеется, при возбуждении уголовного дела о хранении наркотиков, также составляется рапорт об обнаружении в действиях неустановленного лица состава преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ, по факту чего также возбуждается уголовное дело, производятся следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, однако, лицо, хранящее наркотики может хранить их в различных местах, и информацию об этом может передавать с использованием различных средств связи» [71, с. 60].

Мы уже рассматривали спорную правовую природу ряда следственных действий и отсутствие единого мнения среди ученых-процессуалистов в отношении отдельных их видов и возможности отнесения к всей системе следственных действий. В частности, спорную правовую природу имеют эксгумация трупа и получение образцов для сравнительного исследования. Мнения ученых по поводу их отнесения к следственным действиям расходятся, поскольку, в силу их познавательного характера они могут рассматриваться как следственное действие [32], но возможно их рассматривать и только как средство получения данных для дальнейшего производства следственных действий [30].

Рассмотрение их исключительно как средство получения данных, обусловлено тем, что посредством их проведения непосредственно сами доказательства не собираются. Они представляют собой только источники, которые должностное лицо, ведущее расследование использует, назначая соответствующие экспертизы.

Полагаем, что данная точка зрения видится вполне обоснованной, однако, эксгумация и получение образцов для сравнительного исследования все-таки отражены в действующем УПК РФ и им присущи все признаки полноценного следственного действия. В обозначенном контексте полагаем, что их следует рассматривать в качестве «вспомогательного следственного

действия». Данное решение обосновано тем, что в результате проведения данных процессуальных явлений не достигается самая важная цель, которая преследуется всеми следственными действиями – получение посредством их проведения доказательственной базы, приобщаемой к материалам дела. Проведение же следователем указанных действий требует дальнейшего проведения уже следственных, представляющих собой экспертизу.

Полемику в научных кругах порождает и «возможность отнесения к системе следственных действий наложения ареста на имущество» [6, с. 49].

Так, некоторые научные деятели умышленно относят данный правовой институт к системе следственных действий ввиду того, что по результатам его проведения может быть достигнута основная цель следственного действия – получение доказательств, посредством того, что в его ходе «могут быть изъяты предметы, подтверждающие виновность лица или имеющие иное доказательственное значение» [49, с. 247].

При всем уважении к приведенному мнению данного автора, полагаем, что с такой позицией невозможно согласиться, поскольку оно также «не представляет собой способ собирания доказательственной базы» [16, с. 7].

Данное действие преследует иные цели, нежели сбор доказательств, с возможностью их использования в процессе доказывания. Посредством его проведения осуществляется реализация предотвращения отчуждения имущества лицом, привлекаемым к уголовной ответственности, до решения суда. «При этом на предметы, имеющие значение для расследования уголовного дела, арест не может быть наложен. В данном случае производятся иные следственные действия, будь то выемка или обыск». [72, с. 15].

Следует отметить и несовершенство формулировки нормы регламентирующей наложение ареста на имущество, обусловленное проблемами его отграничения от внешне сходных следственных действий.

Некоторые ученые – процессуалисты в качестве следственного действия относят и институт задержания лица по подозрению в совершении преступления, обосновывая свою позицию тем, что «факт нахождения лица на

месте совершения преступления доказывает его причастность к данному деянию, и, кроме того, составной частью задержания является личный обыск подозреваемого, в ходе которого могут быть изъяты предметы, имеющие доказательственное значение» [25, с. 114].

Полагаем, что отнесение меры процессуального принуждения к следственным действиям видится крайне неразумно, поскольку они не содержат доказательственной информации.

Не меняет природы задержания и то обстоятельство, что в ряде случаев его составной частью является личный обыск задержанного.

Проблема разрозненного понимания следственных действий и отнесения к ним действий, которые, таковыми явно не являются, обусловлено их некорректными формулировками, представленные самим законодателем. Так, в ч. 31 ст. 165 УПК РФ установлены правила проведения судебного заседания по рассмотрению ходатайства «о производстве следственных действий, касающихся реализации или уничтожения вещественных доказательств», хотя не вызывает сомнений что уничтожение или реализация вещественных доказательств следственным действием не является, на что справедливо обращено внимание в научной литературе.

Анализ многочисленных доктринальных источников свидетельствует о том, что различными авторами представлена своя система следственных действий, с их различным количеством.

А.А. Протасевич, Д.А. Степаненко и В.И. Шиканов в свое время называли четырнадцать следственных действий, а именно: допрос, очную ставку, предъявление для опознания, обыск, осмотр, освидетельствование, задержание подозреваемого, наложение ареста на имущество, наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию, выемку, следственный эксперимент, эксгумацию, экспертизу, получение образцов для сравнительного исследования [47, с. 11].

Иные научные деятели не включают в данный список эксгумацию и задержание подозреваемого [11, с. 209].

Ряд авторов придерживается комплексного подхода к определению следственных действий, объединяя данные уголовно-процессуальные явления по сходному содержанию и гносеологической природе. Так, например,

- «1) следственный осмотр, в том числе освидетельствование;
- 2) обыск, в том числе выемка;
- 3) допрос, в том числе очная ставка;
- 4) следственный эксперимент, в том числе осуществляемый путем воспроизводства и проверки показаний на месте;
- 5) предъявление для опознания;
- 6) судебная экспертиза» [6, с. 34].

Схожий подход имеют многие авторы, выделяя разновидности данных уголовно-процессуальных явлений в зависимости от схожести их правовой природы. Например, «очную ставку – особым видом допроса, выемку – особым видом обыска, контроль и запись переговоров, а также наложение ареста на почтово-телеграфные отправления – разновидностью выемки» [54, с. 37].

Продолжать сравнительный анализ доктринальных источников и мнений теоретиков относительно системы следственных действий возможно бесконечно, поскольку проблема ее представления на законодательном уровне в рамках действующего УПК РФ до сих пор не решена.

Таким образом, основания проведения следственных действий, видится возможным подразделить на фактические и правовые, при этом, в своем большинстве, вторые практически всегда опосредуют первые. Если фактические представляют собой событие, независимое от следственных органов, то под правовыми основаниями производства следственных действий следует понимать наличие соответствующих правомочий у органов, ведущих расследование, прямое указание содержащееся в нормах уголовно-процессуального права о проведении данного уголовно-процессуального явления в единой процессуальной форме.

Проблема разрозненного понимания следственных действий и

отнесения к ним действий, которые, таковыми явно не являются, обусловлено их некорректными формулировками, представленные самим законодателем. Полагаем, что ее решение данной видится в исключительно прямом закреплении в рамках действующего УПК РФ всех следственных действий, посредством их перечисления в одной статье или же в разных.

2.2 Перспективы развития института следственных действий

Система следственных действий в отечественном законодательстве находится в постоянном развитии и дополнении, это в первую очередь обусловлено развитием научно-технического прогресса. В данном случае связь выражается в том, что преступность в нашей стране характеризуется не только ростом, но и все более усовершенствованными способами совершения того или иного преступления, с активным использованием современных технологий.

Так, с момента принятия ныне действующего УПК РФ, его нормы дополнились такими следственными действиями как проверка показаний на месте, а также получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами и видится, что это не последнее его дополнение, поскольку технологии не стоят на месте, а уголовно-процессуальное законодательство должно иметь «достойный ответ» на «усовершенствованную преступность» [73, с. 55].

В данном контексте видится весьма актуальным предложение некоторых ученых-процессуалистов дополнить действующее уголовно-процессуальное законодательство новым следственным действием - электронным наблюдением [54, с. 4].

Суть данного процессуального явления заключается в последовательности действий должностного лица, осуществляющего расследование по уголовному делу, на основании решения суда, по снятию информации, передаваемой в форме любого излучения, передаче или приеме

знаков, сигналов, голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или сообщений любого рода по радиосистеме, проводной, оптической и другим электромагнитным системам.

Иначе говоря, указанное следственное действие представляет собой расширенный вариант контроля и записи переговоров, полностью отвечающий современным реалиям.

Некоторые современные авторы, основываясь на фундаментальных доктринальных источниках, предлагают дополнить систему следственных действий – реконструкцией, под которой понимается «процесс воссоздания существенных, с точки зрения задач расследования, признаков отсутствующего или изменившегося объекта (оригинала), связанного с изучаемым событием, по описаниям, изображениям или вещественным остаткам, в результате которого получают подобный оригиналу материальный объект, являющийся источником доказательственной информации и используемый взамен оригинала при проведении следственных действий и судебных экспертиз» [56, с. 210].

Иначе говоря, при проведении следственного эксперимента необходимо воссоздать реальность, которая имела место быть при совершении преступного деяния. Так, к примеру, при совершении преступлений имущественной направленности (при совершении кражи, разбоя), в задачи должностного лица входит воссоздать определенные предметы, признаки внешности определенного лица. «При этом совершение указанного следственного действия видится невозможным без подобного воссоздания, поскольку получение доказательственной базы в результате его проведения вряд ли удастся» [70, с. 237].

Ряд авторов, видят необходимость дополнить уже имеющиеся следственные действия новым специфическим элементом, а именно проверкой показаний на полиграфе [51].

Следует отметить, что в современных условиях данное процессуальное явление способствует повышению раскрытия преступлений, однако до

настоящего времени в научных кругах все же присутствует полемика по поводу использования полиграфа в борьбе с преступностью и о доказательственном значении результатов его применения. К примеру, некоторое из них ссылаются на то, что реализация данного предложения, может повлечь за собой возникновение конкуренции, например, с проведением судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа.

На сегодняшний день в доктрине уголовно-процессуального права отсутствует единый перечень следственных действий и условно он остается открытым. «Несмотря на активное применение в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует четкая, детальная регламентация процедуры вовлечения оперативной информации в процесс доказывания. И законодатель, вместо того, чтобы сосредоточить силы и внимание на пробелах в данной области, производит реформирование норм УПК РФ фрагментарно, избирательно, без прогнозирования возможных последствий, что очень часто порождает неразрешимые вопросы, связанные с последствиями подобного рода новаций» [64, с. 42]. Так, многие специалисты в области теории уголовного процесса, на фоне такого «кускообразного» реформирования, при общей пробельности отдельных, на наш взгляд, достаточно важных моментов, выделяют еще одну правовую конструкцию, обретающую все большую популярность в современном мире, а именно, институт негласных следственных действий.

Следует отметить, что такое определение, а именно «институт негласных следственных действий» наиболее точно отражает суть данного явления и активно используется в законодательстве и доктринальных источниках других стран.

Отметим и тот факт, что дискуссии в научных кругах по поводу внедрения оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в процесс доказывания характерны для постсоветского пространства. И ряд стран бывшего СССР в нормах национального законодательства прямо закрепили

возможность использования системы негласных следственных действий при расследовании преступлений. Примером данных государств может служить Молдова, Грузия, Украина и прочее.

В отечественном уголовно-процессуальном праве и законодательстве в целом использование данных результатов закреплено крайне специфическим образом. Так, если закон о «Об оперативно-розыскной деятельности» [36] статьей 11 допускает такую возможность, то основной уголовно-процессуальный закон нашей страны устанавливает к ним определенные критерии, в частности, их запрет, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам уголовно-процессуальным законом.

В обозначенном случае проблема кроется в том, что сама оперативно-розыскная деятельность предполагает свой круг субъектов ее осуществляющих и специфические только для нее способы проведения, тем самым полностью входящие в противоречие с нормами уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего процесс доказывания и требования, предъявляемые к доказательствам.

Однако, состояние преступности на сегодняшний день, ее развитие, совершенство способов осуществления преступных деяний с использованием современных технологий и более чем «активное интегрирование современных интернет-технологий в наркооборот обеспечивающих бесконтактный способ сбыта наркотиков, возросшая угроза терроризма, требуют практического использования ОРД и их закрепления в качестве следственных действий» [17, с. 21].

Многие доктринальные источники обосновывают «необходимость приведения к европейским стандартам действующую систему следственных действий, где ОРД и уголовно-процессуальное законодательство не идут в разрез» [45, с. 171].

Так, А.Ф. Волынский, отмечает: «ни в одной из западноевропейских стран нет столь категоричного и искусственного разграничения оперативно-розыскной и процессуальной деятельности, более того, в некоторых из них

нашли законодательное закрепление положения, в которых органически сочетаются гласные и негласные методы и средства получения доказательств» [18, с. 8].

Отечественные ученые-процессуалисты полагают, что в государстве назрела проблема необходимости модернизировать существующую систему следственных действий по аналогии со странами бывшего СССР, тем самым приводя ее к соответствию с международной практикой. В первую очередь необходимо включить в качестве одного из следственных действий ОРД, тем самым повысив эффективность раскрытия преступности.

Однако в данном контексте следует отметить, что в большинстве стран Европы в уголовно-процессуальном законодательстве перечень видов доказательств является открытым и судьями де-факто решается возможность считать их допустимыми.

Например, УПК Франции, УПК ФРГ не содержат в своих нормах перечень доказательств. Так, в первом случае, «согласно трактовке Конституционного суда, если в нормах законодательства не содержится запрет на допустимость того или иного доказательства, то суд правомочен принять решение о его допуске самостоятельно в зависимости от обстоятельств дела» [48, с. 442]. Во втором случае, сотрудники полиции под руководством прокурора имеют право применять подобные меры в рамках следственных действий.

Отметим, что в данном случае закрепленные положения в исследуемых странах существенно решают проблему доказывания, являющуюся весьма актуальной в Российской Федерации, однако она не применима вне прецедентного права.

Сторонники иных подходов полагают, что рассматривать оперативно-розыскную деятельность в качестве следственных действий категорически не стоит. Объясняют они свою позицию следующим.

Во-первых, институт следственных действий имеет своей целью сбор и оценку доказательственной базы, получаемой через правоотношения,

возникающие между участниками уголовного судопроизводства. Оперативно-розыскная деятельность лишена этого и строится на иных принципах, при отсутствии участников процесса, тем самым доказывая, что эти два института несовместимы по своим признакам. «Из сказанного следует, что слияние процессуальных и оперативно-розыскных мероприятий недопустимо, ибо оно разрушает принципиальные основы отечественного уголовного процесса» [23, с. 75].

Многие ученые процессуалисты уже видят «в системе следственных действий элементы ОРД, в частности, ст. 185 УПК РФ, ст. 186 УПК РФ, несмотря на то, что следователь не осуществляет их лично» [33, с. 138]. Ими видится неуместность данных видов следственных действий, как и сама оперативно-розыскная деятельность в качестве такового в целом и требует своего исключения из системы. Проблема наличия данных следственных действий во всем институте обосновывается тем, что они представляют собой две составляющие: «процессуальную деятельность должностного лица, ведущего расследование и техническую деятельность сотрудников ОРД» [5, с. 237].

Однако анализ института следственных действий в своем современном виде свидетельствует о том, что законодатель одним из направлений его развития выбрал именно его трансформацию посредством внедрения в его структуру элементов оперативно-розыскной деятельности.

Как уже было отмечено выше, страны бывшего СССР ввели в свое уголовно-процессуальное право ОРД в качестве следственного действия, но названия они имеют неодинаковые. В УПК Республики Молдовы они представляют собой «специальные розыскные мероприятия», в Латвии в качестве «специальных следственных действий», на Украине – «негласные следственные (розыскные) действия» и т.д. Однако, как справедливо отмечают ряд специалистов данной сфере, безусловно, в современных реалиях добиться эффективности расследования преступлений без результатов ОРД видится практически невозможным, но в качестве основного недостатка

анализируемого института, в странах бывшего СССР, является то, что «имеющийся уровень теоретической проработки негласных следственных действий и практический опыт их применения ряда в странах Европы, не является адекватным и достаточным для внедрения таких существенных новелл» [59, с. 214].

Полагаем, что в целях соответствия норм законодательства об оперативно-розыскной деятельности и уголовно-процессуального законодательства по достижению общей цели установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу и получении самой доказательственной базы следует оба закона дополнить следующим.

Во-первых, дополнить действующее законодательство об оперативно-розыскной деятельности системой оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Во-вторых, дополнить нормы уголовно-процессуального законодательства более четкой и детально изложенной процедурой четкой и детальной процедуры вовлечения и использования сведений, полученных в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Полагаем, что подобные корректировки решат, как большинство практических вопросов, так и прекратят дискуссии в научных кругах по поводу включения оперативно-розыскных мероприятий в систему следственных действий в качестве «негласных».

По нашему мнению, разработка и внесение данного института породила бы больше проблем, нежели их решила.

Во-первых, в теоретическом плане остается неясным, какая наука должна заняться аналитикой и разработкой тактики «негласных следственных действий», образованных на слиянии двух институтов уголовно-процессуального доказывания и оперативно-розыскной деятельности. Если прерогатива разработки тактики следственных действий всегда отдавалась криминалистической науке, то негласный характер данных следственных

действий предопределяет передачу их разработки теоретикам оперативно-розыскной деятельности. При этом оценку и использование полученных результатов опять должна быть передана криминалистике.

Следует также выделить и то, что у ОРД и уголовно-процессуальной деятельности разные основания проведения.

Более того, представляется неразумным и небезопасным наделять одно и то же должностное лицо, ведущее расследование, полномочиями по проведению как гласных, так и не гласных следственных действий, поскольку в дальнейшем это может обусловить необходимость создания механизма против возможных злоупотреблений и провокаций со стороны таких лиц.

Таким образом, на сегодняшний день ситуация с преступностью складывается так, что преступник, при совершении противоправных деяний, активно используют новейшие средства техники, связи и сообщения. Не удивительно, что большинство ученых-процессуалистов предлагают аналогичный ответ, посредством дополнения следственных действий новыми, которые в своем большинстве, имеют техническую направленность. И это видится вполне закономерным, поскольку новые способы совершения преступлений требует незамедлительной реакции законодателя, посредством оперативного определения, насколько уже имеющиеся следственные действия отвечают явлениям действительности. В данном случае именно на нем лежит обязанность отследить эффективность следственных действий и в случае ее снижения, модернизировать их путем усовершенствования, либо путем введения новых.

По итогу данного раздела можно сделать следующие выводы.

Все основания проведения следственных действий, видится возможным подразделить на фактические и правовые, при этом в своем большинстве вторые практически всегда опосредуют первые. Если фактические представляют собой события, независимые от следственных органов, то под правовыми основаниями производства следственных действий следует понимать наличие соответствующих полномочий у органов, ведущих

расследование, прямое указание норм УПК РФ о проведении данного уголовно-процессуального явления в единой процессуальной форме.

Проблема разрозненного понимания следственных действий и отнесения к ним действий, которые, таковыми явно не являются, обусловлено их некорректными формулировками, представленными самим законодателем. Полагаем, что ее решение видится в исключительно прямом закреплении в рамках действующего УПК РФ всех следственных действий, посредством их перечисления в одной статье или же в разных.

На сегодняшней день ситуация с преступностью складывается так, что преступник, при совершении противоправных деяний, активно используют новейшие средства техники, связи и сообщения. Не удивительно, что большинство ученых-процессуалистов предлагают аналогичный ответ, посредством дополнения следственных действий новыми, которые в своем большинстве, имеют техническую направленность. И это видится вполне закономерно, поскольку новые способы совершения преступлений требует незамедлительной реакции законодателя, посредством оперативного определения, насколько уже имеющиеся следственные действия отвечают явлениям действительности. В данном случае именно на нем лежит обязанность отследить эффективность следственных действий и в случае ее снижения, модернизировать их путем усовершенствования, либо путем введения новых.

Полагаем, что мнение многих теоретиков относительно интеграции оперативно-розыскной деятельности в качестве одного из элементов института следственных действий в уголовно-процессуальное законодательство представляется необъективным. Оперативно-розыскная деятельность представляет собой самостоятельный институт, характеризующийся своим субъективным составом, основаниями и прочим, который в корне отличается от института следственных действий, что говорит о невозможности их слияния.

Глава 3 Проблемы производства отдельных следственных действий в российском уголовном судопроизводстве

3.1 Общие проблемы теории и законодательной регламентации производства следственных действий

Рассмотрев понятие следственных действий, их систему, необходимо исследовать наиболее важные проблемы производства отдельных следственных действий.

Прежде всего, следует отметить то, что при расследовании уголовных дел о преступлениях общеуголовной направленности (хищения, причинение вреда здоровью, преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ) наиболее распространенными следственными действиями являются:

- осмотр – к примеру, осмотр места происшествия производится по очень широкой категории сообщений о преступлениях, несмотря на то, что в данном случае отнести его следственному действию нельзя, также, к примеру, осмотры предметов производятся по большому количеству уголовных дел об имущественных преступлениях, кроме того, производятся осмотры различных мест, где было совершено преступление против здоровья, особенно когда причинение вреда было совершено с использованием окружающих предметов;
- обыск – крайне важное следственное действие при расследовании преступлений против собственности и преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ;
- выемка – по уголовным делам о преступлениях против собственности, когда местонахождение вещей известно по уголовному делу, и они находятся, к примеру, в жилище, а согласие проживающих – отсутствует;

- контроль и запись переговоров – по уголовным делам о преступлениях, совершенных группой лиц по предварительному сговору или организованной группой лиц, а также – по многим уголовным делам о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Ввиду того, что неприкосновенность жилища гарантирована нам Основным законом нашей страны, а также Уголовно-процессуальным законодательством РФ, возникают определенные трудности при проведении в нем отдельных следственных действий. Так, пробелом действующего законодательства является отсутствие закрепленного порядка производства в жилище таких видов следственных действий, как проверка показаний на месте, следственный эксперимент и осмотр места происшествия. Примечательно и то, что статьи в УПК РФ их закрепляющие, не содержат ни самих норм, предусматривающих возможность проведения данного рода процессуальных явлений в жилище, ни каких-либо отсылок к другим нормам, предоставляющим или запрещающим такую возможность. Полагаем, что данный факт является существенным пробелом действующего законодательства, поскольку непонятным остается вопрос - допускается ли само по себе проведение данных процессуальных явлений в жилище и что для этого требуется – согласие проживающих в нем лиц или судебное решение.

Тем не менее, анализ материалов следственных действий свидетельствует о том, что органами предварительного расследования активно практикуется, непонятные с правовой точки зрения, проверка показаний на месте, следственный эксперимент, осмотр места происшествия, производимые в жилище. «На практике реализуя данные процессуальные явления, следователи запрашивают разрешение лиц, проживающих в помещении, где планируется их проведение, если поступает отказ, то они запрашивают соответствующее судебное решение, иными словами происходит аналогия закона, что в уголовном законодательстве недопустимо» [29, с. 236].

Примечательно, что суды, дающие соответствующее разрешение,

мотивируют свое решение фактическими обстоятельствами дела, обусловленной необходимостью проведения данного процессуального явления. В рамках обжалования данных постановлений, апелляционные суды учитывают конституционные положения о неприкосновенности жилища, но подтверждают наличие достаточных оснований для применения имеющихся норм уголовно-процессуального закона и разрешения на их основании ходатайства следователя о проведении следственного действия в жилище при возражении проживающих в нем лиц.

Не лишен проблематики проведения и осмотр места происшествия в жилище. Возникают следственные ситуации, когда требуется осмотр места происшествия, в соответствии с ч. 2 ст. 176 УПК РФ, до возбуждения уголовного дела. Следует признать, что традиционный следственный подход проведения следственных действий «по аналогии», который был нами указан выше, как возможность проведения следственных действий в жилище при наличии согласия проживающих в нем лиц или же на основании судебного решения, будет не уместен. Отметим и то, что ч. 5 ст. 165 УПК РФ предусматривает возможность осмотра жилища в случаях, не терпящих отлагательств, но данные положения не действуют в отсутствие возбужденного уголовного дела.

По мнению ряда доктринальных источников, допустимо, что «в практике правоохранительных органов встречаются случаи предварительного получения судебного решения для производства осмотра места происшествия в жилище на стадии возбуждения уголовного дела» [21, с. 128]. Полагаем, что такая практика является недопустимой ввиду отсутствия соответствующих норм, поскольку судьей не разрешаются такие вопросы на стадии доследственной проверки. Следовательно, еще одним пробелом остается ситуация проведения следственного действия по осмотру места происшествия в жилище в отсутствие возбужденного уголовного дела. Примечательно и то, что «сама по себе проверка сообщения о преступлении не является поводом к возбуждению конкретного уголовного дела, но иного, подходящего

следственного действия уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает, а сам осмотр и полученная при нем доказательственная база, в отсутствие возбужденного уголовного дела, не может являться допустимой» [55, с. 210].

Несмотря на то, что судебная практика знает не много судебных решений, но их наличие говорит о том, что проблема существует и может получить свое дальнейшее распространение.

Так, в одном из приговоров, суд отказал адвокату в удовлетворении ходатайства о признании недопустимым доказательством результаты осмотра места происшествия в жилище в отсутствие возбужденного уголовного дела и согласия проживающих в нем лиц, «поскольку на этапе проверки сообщения о преступлении законодатель фактически предусмотрел только один способ сбора доказательств в жилом помещении – осмотр места происшествия» [46].

Иначе говоря, следственная практика в настоящее время складывается таким образом, что, как предварительное следствие, так и судебное в данном случае руководствуется «вынужденным принципом» «все, что не запрещено – разрешено».

Еще одной проблемой современного законодательного урегулирования является участие института понятных при проведении следственных действий. В разные годы по-разному относились к его необходимости в уголовно-процессуальной практике. Так, в прошлом десятилетии поднимался вопрос о замене участия понятных при производстве следственных действий техническими средствами, но, тем не менее, в современной действительности он продолжает свое существование [44].

Так, необходимое участие данной категории лиц, при проведении следственных действий обусловлено проведением таких из них, как обыск, личный обыск, предъявление для опознания и выемку электронных носителей информации. Примечательно, что в 2018 году норма, предусматривающая производство выемки электронных носителей информации утратила силу, «однако нормы, регулирующие институт понятых в УПК РФ изменений, не

претерпели и продолжают на недействующие правовые нормы, что является грубым нарушением законодателем юридической техники» [64, с. 42].

В противовес этому, законодательно была предусмотрена статья 164.1 УПК РФ, регламентирующей порядок изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий и закрепляющая обязательное участие данных лиц, если в ходе следственного действия осуществляется копирование информации с изымаемых электронных носителей.

При этом необходимо отметить, что содержание статьи 164.1 УПК РФ носит весьма неоднозначный характер, предусматривая:

- либо распространение требований лишь на следственные действия определенного круга уголовных дел, указанных в ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ (экономические преступления);
- либо распространение требований на всю совокупность следственных действий, связанных с изъятием электронных носителей информации и копированием такой информации, независимо от состава преступления.

Данные положения порождают дисбаланс мнений по поводу данной нормы, как в теории, так и на практике.

Таким образом, указанная законодательная неразбериха не дает гарантий защиты следователям и дознавателям от возможности допущения процессуальных ошибок при неправильной интерпретации данной нормы. Следовательно, необходимо привести к единому стандарту институт участия понятых в данной области.

Проверка показаний на месте, как отдельное следственное действие, также не лишена проблем. Норма статьи 194 УПК РФ предусматривает, что ранее допрошенное лицо в ходе проведения указанного следственного действия, помимо иных действий, может указывать на предметы, документы и следы, имеющие значение для уголовного дела, однако пробел видится в самом порядке изъятия подобных предметов. В данном контексте

прослеживается не только законодательная неурегулированность данного вопроса, но и отсутствие единого доктринального подхода к нему.

Так, ряд ученых ссылается на то, что «изъятие осуществляется посредством производства выемки или осмотра непосредственно после проведения проверки» [62, с. 140].

Другие говорят, что «належит приостановить производство проверки, произвести изъятие обнаруженных объектов посредством осмотра или выемки с составлением соответствующего протокола, после чего возобновить проверку» [43, с. 18].

Мнения третьих сходятся в том, что «надлежит осуществлять изъятие непосредственно в рамках проверки показаний на месте» [35, с. 8].

Примечательно, что на практике данную проблему органы предварительного расследования в каждом регионе решают по-разному. Так, ряд из них считают нужным приостановить проверку, до изъятия требуемых предметов, и продолжить данное следственное действие в том же формате. Указанный подход обосновывается ими тем, что изъятие интересующих следствие предметов недопустимо в рамках проверки показаний на месте, но, чтобы не утратить, данные объекты, требуется их немедленное изъятие.

Полагаем, что это вполне разумно, поскольку осуществление изъятия указанных предметов в рамках иного следственного действия не нарушает действующих норм уголовно-процессуального законодательства. В любом случае у органов, ведущих расследование, а конкретно осуществляющих проверку показаний на месте и производящих выемку указанных предметов, имеется два протокола о двух следственных действиях, один из которых будет в основе доказательственной базы и ляжет в основу обвинения.

Примечательным остается и то, что если в ходе допроса, лицо указало на ранее неизвестный предмет в рамках данного следствия, то должностное лицо, ведущее предварительное расследование, выезжает в указанное первым место с целью его изъятия путем проведения выемки. В данном случае о проверке показаний на месте речь не идет, и, возможность проведения данного

следственного действия, просто игнорируется следователем.

Как отмечено выше, данный вопрос следственными органами решается по-разному в каждом отдельном регионе, и многие из них проводит изъятие интересующих следствие предметов непосредственно в ходе проведения проверки показаний на месте. Примечательно, что судьи, вынося решения, признают подобные действия следственных органов допустимыми и не нарушающими нормы закона, например, в Кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 февраля 2007 года [28] суд, не усмотрел неправомерных действий, в решении Архангельского суда, который признал допустимым протокол проверки показаний на месте, в ходе производства которого подозреваемый дал показания об обстоятельствах совершенного преступления, указал на местонахождения орудия преступления – ножа, который при обнаружении был изъят в рамках проведения проверки, что было зафиксировано с помощью технических средств видеосъемки.

Рассматривая вопрос, связанный с осуществлением такого следственного действия, как контроль и запись переговоров, следует отметить, что представляется некоторой проблемой тот факт, что производство данного следственного действия не допускается по уголовным делам о преступлениях небольшой тяжести. Поскольку, к примеру, ч. 1 ст. 228 УК РФ [60] предусматривает ответственность за незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в значительном размере, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка без цели сбыта растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, в значительном размере. Данное преступление является преступлением небольшой тяжести, в тоже время, следует отметить, что лицо хранящее, «к примеру, значительный объем наркотического средства, зачастую связано с лицами, которые также хранят наркотические средства, может передавать

информацию с использованием средств связи о том, где данное лицо еще хранит наркотические средства, однако, УПК РФ запрещает производство указанного следственного действия по данным делам» [57, с. 49]. Разумеется, при возбуждении уголовного дела о хранении наркотиков, также составляется рапорт об обнаружении в действиях неустановленного лица состава преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ, по факту чего также возбуждается уголовное дело, производятся следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, однако, лицо, хранящее наркотики может хранить их в различных местах, и информацию об этом может передавать с использованием различных средств связи, в связи с чем, представляется, было бы разумным внести изменения в УПК РФ, разрешив производство данного следственного действия по уголовным делам о преступлениях любой тяжести.

Таким образом, полагаем, что изложенные выше проблемы теории и законодательной регламентации производства следственных действий достаточно актуальны и требуют своего разрешения, посредством реформирования уголовно-процессуального законодательства. В рамках искоренения указанных пробелов законодатель должен привести методику производства отдельных видов следственных действий к единообразию, что в наибольшей степени будет выступать гарантией конституционных прав и свобод человека и гражданина в ходе предварительного расследования.

3.2 Актуальные проблемы производства отдельных следственных действий на практике

Любое расследование имеет своей главной целью получение процессуально значимого результата, при этом его успех во многом обусловлен своевременным проведением следственных действий, направленных на получение качественной доказательственной базы. Расследование уголовных дел, неразрывно сопряженное с проведением

следственных действий, ориентировано на решение основных задач: – «защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления и защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод» [39]. Следует признать, что любое расследование также имеет две стороны реализации, заключенной в позитивном и негативном практическом опыте. Если с первым все понятно, поскольку подобного рода практическая деятельность следователей требует своего распространения, то второй заключает в себе следственные ошибки, требующие своего исправления. Полагаем, что работа Следственного комитета РФ [40] в настоящее время видится явно недостаточной.

В этой связи нельзя не согласиться с мнением А.Д. Байкова, который полагает, что: «совершенствование деятельности органов уголовного преследования является необходимым условием правильного применения уголовного закона, справедливого судебного разбирательства и обеспечения неотвратимости уголовного наказания» [7, с. 73]. Следует признать наличие порочной практики при реализации следственных действий органами предварительного расследования, в результате чего основные задачи уголовного судопроизводства не выполняются.

На сегодняшний день обстановка в расследовании уголовных дел порождает проблему ухудшения качества предварительного расследования преступлений, так как допускаемые в ходе следствия процессуальные и тактические ошибки зачастую влекут за собой необоснованное наказание, «волокиту» досудебного производства, что «акцентирует внимание на необходимости решения вопросов укрепления законности и правопорядка, обеспечения прав и свобод личности» [9, с. 23].

Анализ практических ошибок при проведении следственных действий следует начать со стадии возбуждения уголовного дела, где, как уже было неоднократно отмечено выше, самой распространенной из них можно назвать поверхностный осмотр места происшествия. «Прокурор, как надзорный орган за расследованием уголовных дел, за частой выявляет такое нарушение, как

подмена одного следственного действия другим, например, за место фактического досмотра следственными органами проводится осмотр места происшествия» [37]. Такое грубое нарушение приводит к тому, что доказательства, полученные в результате данной ошибки, признаются недействительными.

Слабая теоретическая и практическая подготовка следователей не позволяет им выдвигать как можно больше следственных версий, вовремя сориентироваться в выборе того или иного следственного действия, что приводит к получению минимального количества доказательств, а в большинстве случаев проявляется как следствие невозможности выявить всю преступную группу или проанализировать весь масштаб преступной деятельности.

Рассматривая последующие этапы расследования преступлений, следует акцентировать внимание на возрастающем количестве преступлений против собственности, о чем свидетельствует официальная статистика, приведенная на сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации [36].

Так, органами предварительного расследования при получении доказательственной базы в преступлениях имущественной направленности проявляются следующие ошибки, вызванные их непрофессионализмом.

Во-первых, следователи на практике за частой проявляют недостаточное знание специфики объекта, где совершено хищение. Они не могут сориентироваться в особенностях производства, технологии переработки, хранения предмета хищения. Более того, они проявляют поверхностные знания нормативной базы, регулирующей хранение и оборот объекта кражи. Все это очень часто приводят к неэффективности такого процессуального явления как допрос, поскольку следователь, его проводящий, сам не обладая специфическими знаниями в данной области, просто не способен провести его качественно, при необходимости изобличить лиц, дающих ложные показания. Допросы такого рода поверхностны, в них отсутствует критерий наступательности.

Невнимательность органов предварительного расследования при проведении и фиксации следственных действий приводит к оправдательным приговорам или возвращению дела на доследование, что в дальнейшем приводит к затягиванию общих сроков расследования.

Примером типичной ошибки в орудии преступления, является «развалившееся» в суде г. Кирмы Тверской области дело К. и Р., обвинявшийся в попытке кражи двух маршей старой металлической пожарной лестницы с территории земельного участка, принадлежащего индивидуальному предпринимателю Б. на праве собственности в г. Кимры Тверской области (ч. 3 ст. 30, п.п. «а», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ).

Фабула дела представляла следующие.

К. и Р., находясь в предварительном сговоре, «при помощи привезённой с собой болгарки и генератора, спилили часть металлической лестницы», причинив материальный ущерб владельцу в размере 30000 рублей. По итогам предварительного слушания дело было возвращено в прокуратуру ввиду ошибки при проведении и фиксации следующего следственного действия. Так, в результате выемки у гражданина К. был изъят инструмент фирмы «BOSCH», который в протоколе соответствующего следственного действия именовался сотрудником его проводившим «болгаркой», которой, по его мнению, была «спилена» проходившая по делу металлическая лестница, что в корне не соответствует государственному классификатору инструментов по обработке металлов, где инструмента с таким названием нет. Более того, изъятый при выемке инструмент не предназначен для резки металла.

Таким образом сотрудники предварительного расследования при производстве определенного следственного действия не смогли точным образом идентифицировать предмет, который по их мнению служил орудием совершенного деяния и даже не удосужились просмотреть нормативные акты в виде всем известного ГОСТа 25751-83 (СТ СЭВ 6506-88) «Инструменты режущие. Термины и определения общих понятий» [20].

Суд, проводивший предварительное слушание по делу акцентировал внимание на том, что название орудия преступления в данном случае играет особо важную роль, как и его функциональное значение, поскольку данная ошибка органов предварительного расследования привела к неправильному определению способа совершения преступного деяния, т.к. своеобразные наплывы на не вырезанном куске оставшейся пожарной лестнице не соответствуют следственному определению «спилены».

Своеобразные пробелы предварительного следствия, с которыми сталкивается прокурор или суд обоснованы недостаточностью знаний следователей и дознавателей в области тактики и методики расследования, а также ошибками, которые, в своем большинстве допущены в силу служебной небрежности в ходе исполнения правовых предписаний.

Указанная небрежность следователей проявляется при фиксации результатов следственного действия и, как правило, выражается в том, что протокол не отражает существенные обстоятельства дела, которые могут войти в основу доказательственной базы, либо же, наоборот, происходит фиксация ничего не значащих событий.

Следователями очень часто нарушаются правила осмотра, будь то осмотр определенных предметов, документов или же местности. Ими проявляется небрежность в изъятии следов – образцов веществ и материалов.

Так, в нарушение правил осмотра, к проведению данного следственного действия может не привлекаться специалист, а просто в дальнейшем происходит перепоручение данного процессуального действия эксперту. Более того, имеются случаи неправильной упаковки и хранения вещественных доказательств. Очень часто начинающими следователями при осмотре места происшествия приобщаются материалы, не относящиеся к делу (в основном документы), которые потом многотомным грузом сопутствуют материалом уголовного дела во всех инстанциях судебного следствия.

В качестве примера такого дела, которое в результате следственных ошибок трижды возвращалось прокурором в отдел СО ОМВД России по району Новогиреево г. Москвы.

Фабула дела представляла собой следующее. Несовершеннолетние Лицо 1 и Лицо 2 обвинялись по п.п. «а», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ в краже у Лица 3 с автомобиля марки «Land Rover Freelander 2» двух «задних фар, а именно: левый задний фонарь стоимостью 34 028 рублей 34 копейки и правый задний фонарь стоимостью 34 028 рублей 34 копейки», причинив последнему значительный ущерб в размере их стоимости.

Поимом общих правил нарушения допроса несовершеннолетнего, которые выражались в непредоставлении Лицу 1 адвоката и педагога, при его проведении, на основе имеющихся сведений было предъявлено обвинение обоим.

В порядке статья 217 УПК РФ, после ознакомления защитников с материалами дела, были выявлено, что размер ущерба, указанный следователями утвержден неверно и не соответствует ни требованиям УПК РФ, ни разъяснениям Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». [41].

Прокурор, утверждавший обвинительное заключение, вернул дело следователям в порядке п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ.

Межрайонный прокурор г. Москвы изучив материалы поступившего в прокуратуру уголовного дела с обвинительным заключением, вернул уголовное дело в СО ОМВД России по району «Новогиреево» г. Москвы в порядке п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ.

В повторно предъявленном обвинении Лицу 1 и Лицу 2 содержались уже сведения о том, что цена «задних фар» автомобиля «Land Rover Freelander 2» составляет 40000 рублей. В подтверждение данной суммы следователь предоставил справку из ломбарда, что опять же составляло нарушение требований, установленных законодательством.

Дело вторично было возвращено в следственный отдел.

Новый следователь, в подтверждение стоимости украденного имущества назначил по делу судебную товароведческую экспертизу, но ознакомил адвокатов уже с ее результатом.

Примечательно, что в обвинительном заключении указанных лиц отныне звучало о краже двух «задних фар» автомобиля «Land Rover Freelander 2» стоимостью 15 000 рублей.

В третий раз дело было возвращено в порядке п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ, где очередная замена следователя, ведущего расследование, наконец-то поспособствовала исправлению всех ошибок рассматриваемого уголовного дела. Была назначена повторная судебная товароведческая экспертиза, где была предоставлена возможность стороне защиты составить вопросы эксперту в отношении заднего левого и заднего правого фонарей автомобиля «Land Rover Freelander 2».

Достаточно негативная практика имеет место в отдельных подразделениях, когда следователи и дознаватели пренебрегают правилами составления протоколов осмотров: мест происшествия, жилищ, участков местности – тех осмотров, которые требуют значительного времени для составления протокола. Это касается «разъяснения прав и обязанностей участникам следственных действий, оглашения им протокола, или его предоставления для прочтения, а также подписей протокола всеми участвующими лицами» [19].

В настоящее время в отдельных регионах и следственных подразделениях сложилась практика, когда понятые подписывают фактически пустой протокол осмотра места происшествия. Следователь или дознаватель мотивируют предложение подписать пустой протокол тем, что для подписания, уже заполненного протокола, понятым придется ждать определенное время, даже значительное. В связи с чем перед следователем (дознавателем) возникают значительные возможности для фальсификации сведений, полученных в ходе осмотра места происшествия.

Еще одна проблема связана с производством обысков, и также имеет организационную природу. «В отдельных случаях, имеет место «формальное» проведение обыска, то есть обыск проводится, составляется протокол, но внутренне лицо, производящее следственное действие, не преследует цели действительно что-либо обнаружить, либо обыск производится, когда уже известно, какие вещи «нужно» обнаружить, и где они находятся, и обыск в данном случае фактически выполняет функцию выемки, в то время, надлежащее выполнение обыска может позволить обнаружить большее число предметов, представляющих важность для уголовного дела, либо для оперативных целей, связанных с оперативным сопровождением других уголовных дел» [50, с. 70]. К примеру, лицо, похитившее имущество, и хранящее его у себя дома, также, к примеру, может хранить наркотические средства.

Рассматривая особенности выемки, следует отметить, что при производстве данного следственного действия, лицо, производящее данное следственное действие, должно точно знать, что необходимо изъять, однако, на практике встречаются ситуации, когда фактически производится обыск.

Итак, правильно с законодательной точки зрения составленный протокол следственного действия по уголовному делу, требует не только от следователя грамотности, знания языка и развития профессионализма в данной области. Анализ практической деятельности органов предварительного следствия показал, что нельзя недооценивать значение точности и опрятности в изложении процессуальных документов, поскольку несообразность формулировок приводит к нелепым выводам.

Как известно, в силу п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ по уголовному делу подлежит доказыванию, в том числе способ совершения преступления, а изъятые в ходе предварительного расследования орудия преступления являются вещественным доказательством по делу. Очевидно, что следователь должен в постановлении о предъявлении обвинения и обвинительном заключении обозначить орудия преступления, способ совершения

преступления, украденную вещь тем словом (техническим или иным специальным термином), которое в русском языке в точности передаёт сущность этой вещи, её функциональное назначение. Кроме того, в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ по уголовному делу подлежит доказыванию характер и размер вреда, причинённого преступлением. В п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», разъяснено, что при отсутствии сведений о цене стоимость похищенного имущества может быть установлена на основании заключения экспертов, однако следователи пренебрегают данным указанием и в материалах дела фигурирует необоснованно завышенная стоимость похищенного имущества, стоимость, не подтверждённая экспертным путём, а нередко такая стоимость, которая недоступна пониманию. Из анализа приведенных следственных ошибок, можно сделать вывод, о том, что все они во многом обусловлены низким уровнем профессионализма следователей.

3.3 Пути решения теоретических и практических проблем системы следственных действий

Успешность предварительного расследования преступлений складывается из двух взаимообусловленных составляющих. Первой из них является грамотностроенная работа органов предварительного расследования, характеризующаяся профессионализмом, знанием тактики и методики ведения следствия, знанием языка и уровнем грамотности. От уровня профессионализма сотрудников правоохранительных органов, при исполнении своих должностных обязанностей зависит справедливость уголовного судопроизводства в целом, которая в настоящее время отрицательно оценивается на территории Российской Федерации.

Второй составляющей является законодательная урегулировалось всех тонкостей проведения различных видов следственных действий,

исключающая пробелы, возникающие в тех или иных правоотношениях. Своевременное устранение «теоретических и практических проблем, связанных с определением сущности следственных ошибок, их причин, устранение которых позволит совершенствовать работу органов предварительного расследования» [57, с. 201].

Проблемам правового урегулирования порядка проведения следственных действий, их видов, а также конкретных путей совершенствования профессиональной подготовки следователей и дознавателей уделялось огромное количество доктринальных источников во все времена. Тем не менее, нас сегодняшний день данные проблемы не теряют своей актуальности, поскольку меняющееся и дополняемое все новыми нормами законодательство требует от органов предварительного расследования все большего профессионализма при выборе и применении наиболее эффективных приемов производства отдельных следственных действий, реализации организационных мероприятий, поскольку именно от этого зависит законность следствия, соблюдение конституционных прав граждан, что в конечном итоге сказывается не только на официальной статистике раскрытых преступлений и направленных в суд уголовных делах, но и репутации органов следствия в целом.

Рассмотренную выше проблематику обуславливают положения ч. 1 ст. 75 УПК РФ, которыми устанавливаются жесткие требования о недопустимости доказательств, в случаях, если они получены в нарушение действующего законодательства. Иначе говоря, если произойдет любое отклонение от норм УПК РФ со стороны следователя при проведении того или иного следственного действия, полученную по его результатам доказательственную базу будет невозможно будет приобщить к материалам дела, что, как следствие, влечет утрату не только времени, но и важных для следствия данных, от которых напрямую зависят судьбы людей.

Прямая зависимость человеческих судеб, а также конституционных прав участников уголовного судопроизводства являются катализатором для работы

законодателя над исключением наступления негативных для них последствий. Следовательно, устранение коллизий и законодательных пробелов в тексте действующего уголовно-процессуального закона в части закрепления имеющейся системы следственных действий является основной целью законодателя, посредством чего повышается эффективность деятельности правоприменителя.

В целях устранения выявленных нами ранее пробелов в тексте УПК РФ, предлагаем следующие пути решений.

Так, пробел действующего законодательства по отсутствию закрепленного порядка производства в жилище таких видов следственных действий, как проверка показаний на месте, следственный эксперимент и осмотр места происшествия восполним посредством дополнения каждой из статей, регулирующих данное следственное действие, положениями, определяющими особенности их проведения в жилище.

Более того, полагаем, что проблему возможности производства осмотра места происшествия в жилище на стадии доследственной проверки, исходя из следственной и судебной практики, требуется легализовать, определив для этого соответствующий порядок.

Полагаем, что данные нововведения устранят выявленные пробелы и приведут методику расследования уголовных дел к единообразию.

В качестве еще одной поднятой нами проблемы рассматривался институт участия понятных при проведении определенных следственных действий. Как уже было отмечено выше, в разные годы по-разному относились к его необходимости в уголовно-процессуальной практике, были попытки его полной замены техническими средствами, но, тем не менее, в современной действительности он продолжает свое существование, хоть и только в нескольких статьях. Сложившуюся коллизию его законодательной регламентации, нарушение законодателем юридической техники, требуется устранить посредством приведения норм в данной сфере к единообразию.

Так, во-первых, требуется исключить из ч. 1 и 2 ст. 170 УПК РФ положения, ссылающиеся на ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ.

Во-вторых, необходимо переименовать саму статью 164.1 УПК РФ, переименовав ее как «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий по отдельным составам преступлений».

Анализ проблемы о возможности провести изъятие предметов, важных для расследования преступлений, в рамках проведения проверки на месте, говорит о том, что, не смотря на законодательный запрет, в практической деятельности это все же происходит, при этом суды не рассматривают подобные методы, как нарушение в силу разных обстоятельств.

Полагаем, что рассмотренные варианты преодоления данного запрета на практике, в соответствии с мнением большинства судей по данному вопросу, напрямую не противоречат действующему уголовно-процессуальному законодательству. Видится вполне разумным, когда следователь приостанавливает данное следственное действие и начинает иное - обыск или выемку интересующих его предметов, перестраховываясь от нарушения норм законодательства, однако это влечет дополнительную затрату времени, усложняет процесс расследования данного уголовного дела.

В целях устранения данной неразберихи в правоприменительной практике оптимизации процесса расследования, считаем необходимым дополнить норму, регламентирующую проверку показаний на месте частью, предусматривающей изъятие таких предметов. Полагаем, что сформулировано это должно быть следующим образом: «Все обнаруженное и изъятые при проверке показаний на месте должно быть предъявлено участникам данного следственного действия, что отражается в протоколе».

Современная обстановка в расследовании уголовных дел порождает проблему ухудшения качества предварительного расследования преступлений, так как допускаемые в ходе следствия процессуальные и тактические ошибки зачастую влекут за собой необоснованное наказание,

«волокиту» досудебного производства, что акцентирует внимание на необходимости решения вопросов укрепления законности и правопорядка, обеспечения прав и свобод личности. Проблема непрофессионализма следственных органов подрывает авторитет всего предварительного расследования. Несмотря на то, что это достаточно мало освящено в научной и учебной литературе, но такая практика все же имеет место быть.

В целях разрешения данной проблемы, представляется необходимо усилить контроль на территориальном уровне со стороны руководителей следственных органов, начальников органов дознания и подразделений дознания, а также прокурорский надзор в данной сфере. Кроме того, необходимо подготавливать сотрудников к данным видам задач, в том числе обеспечивать материально-техническими средствами, которые бы могли ускорить и эффективизировать данные процессы.

Таким образом, в целях устранения выявленных нами ранее пробелов в тексте УПК РФ предлагаем следующие его корректировки.

Дополнить статьи 194 УПК РФ, 181 УПК РФ, 177 УПК РФ положениями, определяющими особенности проведения указанных следственных действий в жилище. А также легализовать возможность производства осмотра места происшествия в жилище на стадии доследственной проверки, определив для этого соответствующий порядок.

Исключить нарушение законодателем юридической техники в регламентации института участия понятых посредством изъятия из ч. 1 и 2 ст. 170 УПК РФ положений, ссылающиеся на ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ. А также конкретизировать статью 164.1 УПК РФ, переименовав ее как «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий по отдельным составам преступлений».

В целях устранения правоприменительной неразберихи о возможности изъятия интересующих следствие предметов во время проверки показаний на месте, требуется дополнить ст. 194 УПК РФ частью, предусматривающей

такую возможность, которая должна звучать следующим образом: «Все обнаруженное и изъятое при проверке показаний на месте должно быть предъявлено участникам данного следственного действия, что отражается в протоколе». Решение проблем не качества проведения определенных следственных действий, а следовательно, и всего расследования в целом органами предварительного расследования возможно через усиление контроля на территориальном уровне со стороны руководителей следственных органов, начальников органов дознания и подразделений дознания. Востребованным, по нашему мнению, будет и усиление прокурорского надзора в данной области. Кроме того, необходимо подготавливать сотрудников к данным видам задач, в том числе обеспечивать материально-техническими средствами, которые бы могли ускорить и эффективизировать данные процессы.

Итак, по итогу раздела нами сделаны следующие выводы.

Рассмотренные в рамках данного исследования проблемы теории и законодательной регламентации производства следственных действий достаточно актуальны и требуют своего разрешения, посредством реформирования уголовно-процессуального законодательства. В рамках искоренения указанных пробелов законодатель должен привести методику производства отдельных видов следственных действий к единообразию, что в наибольшей степени будет выступать гарантией конституционных прав и свобод человека и гражданина в ходе предварительного расследования.

Правильно с законодательной точки зрения составленный протокол следственного действия по уголовному делу, требует не только от следователя грамотности, знания языка и развития профессионализма в данной области. Анализ практической деятельности органов предварительного следствия показал, что нельзя недооценивать значение точности и опрятности в изложении процессуальных документов, поскольку несообразность формулировок приводит к нелепым выводам. Указанные в исследовании ошибки во многом обусловлены низким уровнем профессионализма

следователей. В целях устранения выявленных пробелов в тексте УПК РФ предлагаем следующие его корректировки. Дополнить статьи 194 УПК РФ, 181 УПК РФ, 177 УПК РФ положениями, определяющими особенности проведения указанных следственных действий в жилище. А также легализовать возможность производства осмотра места происшествия в жилище на стадии доследственной проверки, определив для этого соответствующий порядок. Исключить нарушение законодателем юридической техники в регламентации института участия понятых посредством изъятия из ч. 1 и 2 ст. 170 УПК РФ положений, ссылающиеся на ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ. А также конкретизировать статью 164.1 УПК РФ, переименовав ее как «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий по отдельным составам преступлений».

В целях устранения правоприменительной неразберихи о возможности изъятия интересующих следствие предметов во время проверки показаний на месте, требуется дополнить ст. 194 УПК РФ частью, предусматривающей такую возможность, которая должна звучать следующим образом: «Все обнаруженное и изъятое при проверке показаний на месте должно быть предъявлено участникам данного следственного действия, что отражается в протоколе».

Решение проблем некачественности проведения определенных следственных действий, а следовательно и всего расследования в целом органами предварительного расследования возможно через усиление контроля на территориальном уровне со стороны руководителей следственных органов, начальников органов дознания и подразделений дознания. Востребованным, по нашему мнению, будет и усиление прокурорского надзора в данной области. Кроме того, необходимо подготавливать сотрудников к данным видам задач, в том числе обеспечивать материально-техническими средствами, которые бы могли ускорить и эффективизировать данные процессы.

Заключение

По итогам проведенного исследования, можно сформулировать следующие выводы.

Развитие и становление следственных действий диктовалось историческими устоями общества, под влиянием практики. Устав уголовного судопроизводства 1832 г. стал фундаментом правовой основы следственных действий дореволюционного периода. Советский период истории России, и в частности, истории становления и развития следственных действий, во многом predetermined современные реалии института следственной деятельности. Принимаемые на данном этапе нормативные акты явились фундаментальной основой действующего уголовно-процессуального законодательства РФ.

Следует отметить, что в настоящее время институт следственных действий, представленный в рамках действующего УПК РФ, продолжает свою трансформацию, дополняясь новыми следственными действиями, порождаемыми развитием техники. Активное развитие научно-технического прогресса, порождающее все более изощренные способы совершения преступлений, сопряженные с использованием новейших средств технологий, стимулируют законодателя своевременно реагировать и включать в систему новые следственные действия, тем самым повышая уровень раскрытия преступности в Российской Федерации. На основе проведенного аналитического обзора нормативно-правовых актов, а также анализа понятий, приводимых различными доктринальными источниками и признаков, с целью минимизации расширительного толкования права и ошибок в правоприменении, целесообразно в ст. 5 УПК РФ закрепить определение самих следственных действий. Все основания проведения следственных действий, видится возможным подразделить на фактические и правовые, при этом в своем большинстве вторые практически всегда опосредуют первые. Если фактические представляют собой события, независимые от следственных

органов, то под правовыми основаниями производства следственных действий следует понимать наличие соответствующих правомочий у органов, ведущих расследование, прямое указание норм УПК РФ о проведении данного уголовно-процессуального явления в единой процессуальной форме. Проблема разрозненного понимания следственных действий и отнесения к ним действий, которые, таковыми явно не являются, обусловлено их некорректными формулировками, представленными самим законодателем. Полагаем, что ее решение видится в исключительно прямом закреплении в рамках действующего УПК РФ всех следственных действий, посредством их перечисления в одной статье или же в разных.

На сегодняшний день ситуация с преступностью складывается так, что преступник, при совершении противоправных деяний, активно используют новейшие средства техники, связи и сообщения. Не удивительно, что большинство ученых-процессуалистов предлагают аналогичный ответ, посредством дополнения следственных действий новыми, которые в своем большинстве, имеют техническую направленность. И это видится вполне закономерно, поскольку новые способы совершения преступлений требует незамедлительной реакции законодателя, посредством оперативного определения, насколько уже имеющиеся следственные действия отвечают явлениям действительности. В данном случае именно на нем лежит обязанность отследить эффективность следственных действий и в случае ее снижения, модернизировать их путем усовершенствования, либо путем введения новых.

Полагаем, что мнение многих теоретиков относительно интеграции оперативно-розыскной деятельности в качестве одного из элементов института следственных действий в уголовно-процессуальное законодательство представляется необъективным. Оперативно-розыскная деятельность представляет собой самостоятельный институт, характеризующийся своим субъективным составом, основаниями и прочим, который в корне отличается от института следственных действий, что говорит

о невозможности их слияния. В целях устранения выявленных пробелов в тексте УПК РФ предлагаем его следующие корректировки. Дополнить статьи 194 УПК РФ, 181 УПК РФ, 177 УПК РФ положениями, определяющими особенности проведения указанных следственных действий в жилище. А также легализовать возможность производства осмотра места происшествия в жилище на стадии доследственной проверки, определив для этого соответствующий порядок.

Исключить нарушение законодателем юридической техники в регламентации института участия понятых посредством изъятия из ч. 1 и 2 ст. 170 УПК РФ положений, ссылающиеся на ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ. А также конкретизировать статью 164.1 УПК РФ, переименовав ее как «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий по отдельным составам преступлений».

В целях устранения правоприменительной неразберихи о возможности изъятия интересующих следствие предметов во время проверки показаний на месте, требуется дополнить ст. 194 УПК РФ частью, предусматривающей возможность их изъятия, которая должна звучать следующим образом: «Все обнаруженное и изъятое при проверке показаний на месте должно быть предъявлено участникам данного следственного действия, что отражается в протоколе». Решение проблем некачественности проведения определенных следственных действий, а следовательно и всего расследования в целом органами предварительного расследования возможно через усиление контроля на территориальном уровне со стороны руководителей следственных органов, начальников органов дознания и подразделений дознания. Востребованным, по нашему мнению, будет и усиление прокурорского надзора в данной области. Кроме того, необходимо подготавливать сотрудников к данным видам задач, в том числе обеспечивать материально-техническими средствами, которые бы могли ускорить и эффективизировать данные процессы.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Агутин А.В., Синцов Г.В. Доказывания по уголовным делам о хищениях, совершенных в форме мошенничества, на стадии возбуждения уголовного дела: вопросы организации и управления // Известия высших учебных заведений Поволжский регион. Вып. № 3. Пенза : ПГУ. 2016. С. 102-107.
2. Адигамова Г.З. Следственные действия, проводимые по судебному решению и с санкции прокурора: Автореф. дис... к.ю.н.. Челябинск, 2004. 15 с.
3. Ахметшин Р.Э., Шадрина В.В. Понятие и система следственных действий в уголовно-процессуальном законодательстве РФ // Современные проблемы уголовного права и процесса. Сборник научных трудов научно-практической конференции. Хабаровск. 2020. С. 27-31.
4. Бабич Н.В. История предварительного следствия России: монография. М. : Проспект, 2020. 234 с.
5. Баев О.Я. Тактика следственных действий: Учебное пособие. М., 2013. 150 с.
6. Баев О.Я. Следователь (основы теории и практики деятельности). М.: Литагент Прометей, 2017. 340 с.
7. Байков А.Д. Уголовно-процессуальные отношения. М. : Юридическая литература, 2000. 173 с.
8. Балугянский М.А. Судебная реформа. М., 1905. 411 с.
9. Баранов, А.М. Процессуальные ошибки, совершаемые на этапе окончания предварительного следствия, и способы их устранения. Омск : Омская академия управления МВД РФ, 1996. 311 с.
10. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс: учебное пособие. М. : Проспект, 2018. 560с.
11. Белкин Р.С. Курс криминалистики. в 3 т. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М. : Юристъ, 1997. 410 с.
12. Бирюков С.Ю. История следствия и следственных органов в России

// Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2019. № 7. С. 153-156.

13. Бирюков С.Ю. История развития предварительного следствия в России // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2019. № 1. С. 68-73.

14. Блудов Д.Н. Роль прокурора в гражданском процессе дореволюционной России // Буржуазные реформы в России второй половины XIX века. Воронеж. 1987. С. 45-51.

15. Боровик Н.В. Исторические аспекты особенностей проведения следственных действий в России при уголовном преследовании // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. С. 368-371.

16. Быховский И.Е. Процессуальные и тактические вопросы системы следственных действий: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1976. 18с.

17. Войтович А.П. Современные проблемы соблюдения органами следствия и дознания уголовно-процессуального законодательства // Мировой судья. 2020. № 2. С. 18-24.

18. Волынский А.Ф. Социальные функции и задачи наук криминального цикла в условиях реформирования уголовного судопроизводства // Наука и практика: материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы юридической науки и практики» (26 февраля 2004 г. Орел): Орловский ЮИ МВД РФ, 2004. С. 5-9.

19. Вопросы Следственного комитета Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 27.09.2010 № 1182 ФЗ (ред. 15.01.2011) URL: <https://base.garant.ru/1357437/> (дата обращения: 22.01.2022).

20. ГОСТа 25751-83 (СТ СЭВ 6506-88) «Инструменты режущие. Термины и определения общих понятий» // М.: Издательство стандартов, 1990 год официальное издание.

21. Гудзяк Л.П., Рябинин А.Г. Правовые и уголовно-процессуальные аспекты осмотра жилища // Наука и инновации в современных условиях. 2017. С. 128-140.
22. Давлетов А.А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации: учебное пособие. Екатеринбург, 2020. 321 с.
23. Дубоносов Е.С., Яшин В.Н. Анализ перспектив развития отечественной системы следственных действий // Право и процесс. 2020. № 4. С.75-78.
24. Ефремова С.В. Обоснованность следственных действий как гарантия прав и свобод участников процесса: Автореф. дис... к.ю.н. Самара, 2004. 30 с.
25. Ефимичев П.С., Ефимичев С.П. Расследование преступлений: теория, практика, обеспечение прав личности. М., 2009. 180 с.
26. Иванова М.А., Панова А.С. Концепция следственных действий России: история и современность // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей Международной научно-практической конференции. М., 2018. С. 132-136.
27. История следствия в России: монография. Коллектив авторов. / Под ред. Д.О. Серова, А.В. Федорова. - М., 2017. 300 с.
28. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 февраля 2007 г. по делу № 88-о07-4 [Электронный ресурс]. URL: http://www.vsrif.ru/stor_pdf.php?id=163084. (дата обращения: 15.01.2022).
29. Коновалова А.Б., Тагирова Н.А. История и перспективы развития следственных действий в России // Актуальные вопросы современной науки и образования. Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. М., 2019. С. 235-240.
30. Комягина Ю.С., Лаврухин С.В. Следственные действия: сущность, классификация, принципы. М., 2009. 150 с.
31. Конституция Российской Федерации 1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008, № 6-

ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 №1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. № 144.

32. Кригер А.Е. Следственные действия: лекция. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2012. 200с.

33. Мазунин Я.М., Мазунин П.Я. Негласная деятельность следователя: пора признать данность // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31). С. 135-139.

34. Миликова А.В., Василян А.А. Отдельные исторические факты из истории развития следствия в России // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений. Сборник научных статей. Шахты, 2021. С. 105-106.

35. Новиков С.А. Проверка показаний на месте: проблемы правового регулирования // Российский следователь. 2010. № 2. С. 8-11.

36. Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. 30.012.2021) URL: <https://base.garant.ru/10104229/> (дата обращения: 21.12.2021).

37. Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]: Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 27 ноября 2007 г. № 189 URL: <https://base.garant.ru/1357437/> (дата обращения: 22.01.2022).

38. О едином учете преступлений» (вместе с «Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», «Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов») (Зарегистрировано в Минюсте России 30.12.2005 № 7339) [Электронный ресурс]: Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 (ред. от 15.10.2019) URL: <https://base.garant.ru/1357437/> (дата обращения: 22.01.2022).

39. О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 17.01.1992 № 2202-І (ред. 01.07.2021) URL: <https://base.garant.ru/10164358/> (дата обращения: 20.01.2022).

40. О Следственном комитете Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ (ред. 30.12.2021) URL: <https://base.garant.ru/12181539/> (дата обращения: 20.01.2022).

41. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 URL: <https://base.garant.ru/10164358/> (дата обращения: 20.01.2022).

42. Олейник Р.Р. История развития законодательства о судебном следствии в уголовном процессе дореволюционной России // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2021. № 2. С. 254-256.

43. Поликашина О.В. Проверка показаний на месте актуальные вопросы производства // Российский следователь. 2015. № 23. С. 18-25.

44. Понятых не зовут. Газета.Ru // [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2011/11/08/ponyatyue-site.html>. (дата обращения: 15.01.2022).

45. Потапов С.А. Осуществление прокурорского надзора за соблюдением законности в оперативно-розыскной деятельности // Социально-экономические явления и процессы. Тамбовский государственный университет. 2016. С.171-176.

46. Приговор № 1-233/2019 от 6 августа 2019 г. по делу № 1-233/2019 Можгинский районный суд [Электронный ресурс].: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/cWBgF3bZmh6u/>.(дата обращения: 15.01.2022).

47. Протасевич А.А., Степаненко Д.А., Шиканов В.И. Моделирование в реконструкции расследуемого события. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. экон. акад., 1997. 389 с.

48. Путцке Х. Роль прокурора в предупреждении и устранении следственных ошибок: российский и немецкий опыт / Путцке Х,

Тарбагаев А.Н, Назаров А.Д., Майорова Л.В. // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 3. С.442-445.

49. Рыжаков А.П. Уголовный процесс: Учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М. : «Норма», 2004. 430с.

50. Садыков А.У. Особенности расследования преступлений против собственности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. №4 (38). С. 69-72.

51. Семенцов В.А. Новое следственное действие - проверка показаний на полиграфе // Право. Закон. 2019. № 11. С.34-38.

52. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1903. 590 с.

53. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. Санкт-Петербург, 2008. 450 с.

54. Соколов, Ю.Н. Информационные технологии в уголовном судопроизводстве: монография. Екатеринбург: Телекоммуникационное Право, 2010. 431 с.

55. Соловьев А.Б. Система следственных действий как средство уголовно-процессуального доказывания (проблемы уголовного процесса и криминалистики): научно-методическое пособие. М. : Юрлитинформ, 2006. 320 с.

56. Степанов В.В., Галушкин В.И. Реконструкция – эффективное средство исследования обстоятельств преступления // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 2 (133). С. 210-215.

57. Трубникова Т.В. Признание вещественным доказательством - новый вид меры принуждения? (По материалам изучения проблем злоупотребления правом в уголовном процессе) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 49-55.

58. Тугушева, З.З. Следственные ошибки: теоретические и практические проблемы // Молодой ученый. 2018. № 46 (232). С. 200-202.

59. Уваров В.Г. Негласны следственные действия в новом УПК Украины

// Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 8 (151). С. 214-220.

60. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 26. Ст. 2458.

61. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

62. Фомин М.А. Сторона защиты в уголовном процессе (досудебное производство). Учебно-практическое пособие. Издательство «Юрлиткнформ», 2004. 217 с.

63. Чашин А.Н. Досудебное производство в уголовном процессе: учебное пособие. М. : Дело и сервис, 2013. 310 с.

64. Чумакова И.И. Статья 164.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: проблемы правоприменения // Молодой ученый. 2020. № 24. С. 42-45.

65. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М., 2004. 350 с.

66. Якубина Ю.П. Предварительное следствие России: история и современность // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 3. С. 75-78.

67. Apprehending the Criminal [Текст]: the Production of Deviance in Nineteenth-Century Discourse / M. Leps. Durham; London: Duke University Press, 2022. 262 p.

68. Delinquency and Justice [Текст]: an Age of Crisis / M. A. Bortner. – New York; St. Louis; San Francisco: McGraw-Hill Book Company, 2018. 397 p

69. Delinquency in Society [Текст]: a Child-Centered Approach / R.M. Regoli, J. D. Hewitt; ed.: P. A. Butcher, K. Blake, B. Boylan. New York; St. Louis; San Francisco: McGraw-Hill, Inc., 2021. 506 p.

70. Law Enforcement [Текст]: an Introduction to Police in Society / B.L. Berg. Boston; London; Toronto: Allyn and Bacon, 1992. 336 p.

71. The Trouble with Lawyers [Текст] / M. T. Bloom. New York: Simon and

Schuster, 1968. 350 p.

72. The Growth of Crime [Текст]: the International Experience / L. Radzinowicz, J. King. London: Hamish Hamilton, 1977. - 342 p.

73. The Legal Environment of Business [Текст] / R.N. Corley, O.L. Reed, P.J. Shedd. 8th ed. New York; St. Louis; San Francisco: McGraw-Hill, Inc., 2010. 225 p.